Цена номера 15 коп.
Индекс 70448

Рисунок Ю. ЧЕРЕПАНОВА

КРОКОДИЛ

№ 27 ● СЕНТЯБРЬ 1974

— Довольно заниматься ерундой—поедете на картошку!

Рисунок В. ЖАРИНОВА

В. КОТЕНКО, специальный корреспондент Крокодила

99,99%

Я совсем было решился написать фельетон. Но вовремя спохватился. Какой смысл выводить всякие фразы, если их все равно многие не принимают во внимание, а ищут между строк подтекст? Нет, к черту строчки! Да здравствует то, что между ними! А что между ними? Пустоты.

И я сотворил пустое место. Не следует думать, что это было просто. Я несколько раз переделывал ненаписанное, работал над каждым отсутствующим словом. В заключение кое-что перелил из пустого в порожнее — и мой шедевр из нескольких абсолютно чистых листов бумаги был готов.

Я поставил над ним рубрику «Фельетон», назвал опус «Пустое место» и оповестил о нем широкую общественность.

Начался переполох. Каждый видел в моем материале что-то свое. Близкое. Родное.

Первым ко мне подошел начальник Липецкого областного управления бытового обслуживания Виктор Федорович Фролов. Он сказал:

— Что же ты, батенька-сыночек, нас обидел? Ведь в твоем фельетоне описан случай с гаражом Анатолия Дмитриевича Романовского.

— Почему вы так считаете?

— Так о чем же еще писать, как не об этом?

И Виктор Федорович рассказал.

ДЕНЬГИ ВПЕРЕД

Романовский влюбился в «Жигули» (девичья фамилия «Фиат») с первого взгляда. Его пленили в машине технические данные: скорость, изящество формы, умение держать себя в рамках правил уличного движения. Она принадлежала ему. Но... Ах, если бы в Тольятти вместе с машинами выпускали и гаражи! Встал вопрос: где жить красавице? Первый месяц она провела во дворе. Там хулиганы сначала исписали машину нехорошими словами, а потом ее вообще похитили. Впрочем, она вскоре нашлась.

И очень кстати Липецкое РСУ треста «Липецкремстройбыт» управления бытового обслуживания стало принимать заявки на строительство гаражей. Романовскому в бюро заказов сказали:

— Деньги вперед. Утром — деньги, вечером — гараж. Или вечером — деньги, а на другой день утром — гараж.

Ударили по рукам.

Прошел год, гаража еще не было. Пошел другой год.

Наконец справили новоселье. Но гараж почему-то вскоре развалился. Романовский пошел в управление бытового обслуживания. Там его удивленно спросили:

— Вы деньги уплатили? Да? Так что же вы ходите?

— А как же гараж?

— Ах да, гараж! Со временем перестроим...

И опять полетели недели и месяцы. И тут Романовский понял свою ошибку. Если бы он внес деньги не сразу, а потом, его гараж был бы давно готов. А так куда строителям спешить? Ведь никаких неустоек учреждение клиенту не платит. Но это он понял слишком поздно.

Рассказав эту историю, В. Фролов помолчал и добавил:

— Я уверен, что твой фельетон про нас. А вообще-то ты зря. Данный случай — исключение. На 99,99 процента мы строим хорошо.

Тут открылась дверь, и вошел заместитель директора Новолипецкого металлургического завода Николай Дмитриевич Ерохин. Он тоже поднаторел в чтении между строк. Сказал укоризненно:

— Дались тебе эти хищения угля с нашего завода!

— Какого угля? Я о нем и не думал.

— Э, нет! Весь Липецк видит: про нас накатал.

То, что он поведал, вполне можно озаглавить:

ВОРУЙТЕ, ГРАЖДАНЕ, ВОРУЙТЕ!

Время от времени в домах по улице Сортировочной просыпаются старинные бабкины часы. Кукушка высовывает в дырку свою дурью голову и будит честной народ.

Граждане на одном дыхании сбрасывают с себя одеяла, впрыгивают в штаны, и уж ноги сами несут их к железнодорожной ветке Новолипецкого металлургического завода. Данная ветка проходит аккурат посреди улицы Сортировочной, и это очень удобно. Раздается клич:

— Черное золото везут!

Значит, поступил состав с углем. Жители улицы, как муравьи, карабкаются на вагоны. Сбрасывают уголь. Затем сгребают его в большие кучи вдоль полотна. И вот приходят «левые» машины и увозят топливо тоже «налево». Вывезти — раз плюнуть: заводской забор практически отсутствует. Таких рейсов, по мнению работника завода Г. Л. Задворнова, в неделю бывает не один и не два. А если точно — никто не знает. Что значат для завода-гиганта несколько машин угля в неделю? Дороже будет поставить забор вдоль ветки или держать здесь охрану.

Свою информацию тов. Ерохин закончил так:

— Только зря ты это тащишь в фельетон. На 99,99 процента каналы хищений на заводе закрыты.

Не успел он уйти, как появился милиционер. Поправляя пустую кобуру, строго сказал:

— Давайте не будем!

— Что?

— Писать про наши славные органы.

И он рассказал.

СИГНАЛ БЕДСТВИЯ

Встречая нынешний, 1974 год, кандидат наук Г. Т. Сазонов вышел на балкон третьего этажа своей квартиры и, едва пробили куранты, устроил фейерверк, запустив в воздух всякие специальные трескуче-блескучие ракеты, которые рассыпаются в воздухе разноцветными искрами. Было очень красиво. Но одна из ракет влетела в окно квартиры Л. Н. Чугунова, проживающего в том же доме на пятом этаже, и уж тут взорвалась. Хозяин был где-то в гостях, и пожар увидели соседи. Огонь был затушен.

И вот утром возвращается хозяин. Открывает дверь и не узнает своей квартиры. Дым и пепел. В общем, он предъявил нашему пиротехнику иск на четыре тысячи. Тот платить отказался. Я, мол, пускал ракеты в ознаменование Нового года, после боя курантов, в 24 часа с минутами, а сигнал о пожаре был зарегистрирован в 23 часа 53 минуты. К тому же моя ракета никак не могла попасть в квартиру пятого этажа. Требую экспертной проверки баллистического полета ракеты.

По первому пункту выяснилось, что пожарники не хотели портить начало Нового года пожаром и отнесли его к старому. А может, у них план прошлого года по пожарам не был выполнен.

Что касается экспертиз, их было не счесть! Пожарная экспертиза. Экспертиза по технике безопасности обращения с ракетами. Товароведческая. Криминалистическая. Пиротехническая. И прочие мнения и заключения.

Дело не кончено. Но пострадавший Чугунов уже всерьез опасается, как бы ему не пришлось к убыткам от пожара приплюсовать издержки по следствию и суду.

Страж порядка кончил свое повествование, помолчал и добавил:

— Впрочем, этот случай — исключение. Все остальное у нас на 99,99 процента прекрасно. Так зачем же про нас писать?

* * *

Я задумался. Я думал о 99,99 процента успехов и достижений. Замечательная цифра. В ее честь хочется слагать оды. А негативная сотая доля — пустяк. Мелочь.

...В дверь кто-то поскребся. Наверное, еще какой-нибудь опровергатель.

И я, автор, в отчаянии воскликнул:

— Успокойтесь, товарищи, фельетон не про вас! Он про малую долю процента.

г. Липецк.

Рисунки В. САФОНОВА

КРОКОДИЛ ПОМОГ

«ОТПИРАТЬСЯ БЕСПОЛЕЗНО...»

Так назывался фельетон Р. Киреева, опубликованный в 20-м номере «Крокодила». В нем рассказывалось о том, как работники волгоградской милиции перепутали ни в чем не повинную гражданку С. Дзюба с ее однофамилицей — хулиганкой и воровкой Н. Дзюба. Причем путаница эта была такой длительной и упорной, что коллеги С. Дзюба по институту «Гипроводстрой» стали относиться к ней с некоторым недоверием. Пострадало честное имя человека.

Как сообщили редакции прокурор Волгоградской области тов. В. Шарахин и начальник Управления внутренних дел Волгоградского облисполкома тов. К. Иванов, сотрудники милиции, проявившие халатность и невнимательность при оформлении документов на правонарушительницу Н. Дзюба, наказаны в дисциплинарном порядке. Гражданке С. Дзюба в присутствии сотрудников «Гипроводстроя» принесены извинения.

Против Н. Дзюба, совершавшей преступления, которые приписывали С. Дзюба, возбуждено уголовное дело.

«ЛОХМАТАЯ РУКА»

Об удивительном взлете, который совершил бывший директор Богородицкого техникума Л. В. Зеленцов, рассказывалось в фельетоне с одноименным названием («Крокодил» № 22). Узловский нарсуд приговорил Л. В. Зеленцова за всевозможные махинации и подлоги к четырем годам лишения свободы без права занимать руководящие должности в учебных заведениях еще в течение трех лет. Тульский областной суд под натиском ходатаев — руководителей областного управления сельского хозяйства — заменил четыре года тюрьмы годом исправительных работ, и Л. В. Зеленцов оказался на должности заместителя управляющего веневской «Сельхозтехники». Оттуда он перекочевал в Калужскую область — заместителем директора Детчинского сельхозтехникума, а из техникума — прямо в Москву, в Министерство сельского хозяйства РСФСР — заместителем директора треста совхозов-техникумов.

Заместитель министра сельского хозяйства РСФСР тов. Н. В. Даниленко сообщил редакции, что фельетон обсуждался на коллегии министерства. Зеленцов Л. В. от работы в тресте совхозов-техникумов освобожден. Руководству главного управления сельскохозяйственных техникумов строго указано на ошибку в подборе кадров.

«ХЛЕБ ПРОСИТ УБЕЖИЩА...»

Репортаж А. Шейнина под таким заголовком опубликован в № 23 «Крокодила». В нем сообщалось, что в Волгоградской области кое-кого из заготовителей большой урожай застал врасплох. Хранилища еще не освобождены от прошлогоднего зерна, и новое ссыпать некуда.

Редакция получила ответ из Министерства заготовок РСФСР. Заместитель министра тов. Р. Шклюдов сообщает, что к освобождению зернохранилищ от старого зерна приняты меры. «Однако,— пишет тов. Шклюдов,— и после этого разместить полностью хлеб в крытые емкости не представляется возможным, и значительное количество его будет временно храниться в буртах». С этой целью уже подготовлены благоустроенные площадки, выделены брезенты, чтобы принятое зерно не подвергалось порче.

Приняты меры и по строительству элеваторов. Так, элеватор в Палласовке будет сдан до конца сентября. Ликвидированы недоделки по Жутовскому элеватору.

Выделены средства на строительство жилья для работников элеваторов и хлебоприемных пунктов.

«СПАСИБО МИТЬКЕ!»

В этой заметке («Крокодил» № 19) говорилось о недостатках в работе ленинградской бытовой фирмы «Невские зори». Массу огорчений и хлопот доставила фирма одному из клиентов, который доверил ей ремонт своей мебели.

Получен ответ от генерального директора фирмы тов. П. Шпортько. Установлены причины задержки в исполнении заказа и ошибки при определении стоимости работ. Мастеру участка тов. Н. Кулагиной за недобросовестное отношение к своим обязанностям объявлен выговор.

— А секретарша, чудачка, сказала, вы заняты!

Рисунок И. СЫЧЕВА

КОЕ-ЧТО О ГЕНАХ

Игорь ФИЛЕНКОВ

Рассказ

— Опять вы опоздали! — сказал начальник молодому лаборанту Кулебякину. — Напишите, пожалуйста, объяснение.

— Хорошо, — сказал лаборант. — Я у вас только хочу спросить... Могли бы вы проглотить лягушонка?

Доброе конопатое лицо начальника вытянулось.

— Что за чушь? — воскликнул он.— Еще чего не хватало!

— Я так и думал,— сказал молодой лаборант, загадочно улыбаясь.— Сейчас я напишу.

Он вышел и минут через пятнадцать вернулся с листком бумаги в руке.

Начальник взял листок, поправил очки и принялся читать:

«Объяснение

Наука утверждает, что поведение человека определяется не только социальными, но и генетическими программами. Вы, например, при всем желании не сможете проглотить лягушонка, а мой школьный товарищ Виктор Заяц на пари проглатывал по десять лягушек. Дело в том, что его отец выступал в цирке с номером, в процессе которого выпивал содержимое большого аквариума, и эта его способность по наследству передалась сыну, превратившись в потребность.

Я почти ежедневно опаздываю на работу. Это происходит помимо моей воли и моих убеждений — здесь срабатывает одна из моих жестких генетических программ. Ведь мой отец и, как выяснилось, даже дед никогда не приходили на работу вовремя.

Прошу считать причины моих опозданий уважительными.

Кулебякин».

Начальник положил листок на стол, сдернул очки и покрутил ими в воздухе.

— Так, так... — протянул начальник. — Я вас, Кулебякин, увольняю.

— Вы против науки?! — с негодованием воскликнул тот.

— Боже упаси! — заверил его начальник. — Я не ретроград и не обскурант. Просто у меня есть своя генетическая программа, и я не могу ничего с ней поделать. Ведь мой отец, будучи руководящим работником, безжалостно увольнял тех, кто опаздывал.

Р. КИРЕЕВ, специальный корреспондент Крокодила

ФИГИ НА ОБОЧИНЕ

В сущности, человека ошеломить трудно. При всей своей фееричности жизнь не так уж изобретательна. Выкинув раз непредвиденный фортель, она потом без конца варьирует его — аж скучно. Вы привыкаете. Вы наперед знаете, что примерно на таком-то повороте действительность преподнесет вам фигу, и встречаете ее просто, как березку на обочине.

Кто из вас, скажите, приходит в прачечную точно в срок, объявленный в квитанции? Дважды получив от ворот поворот («не готово... не знаю когда»), вы прячете свою пунктуальность в нижний ящик стола и всякий раз даете прачечной от трех до пяти дней форы — в зависимости от широты души и постельной наличности. И уж если только стиральных дел мастера выпирают и из этого льготного срока, начинаете шебаршить и чего-то там доказывать.

Рискнув пошить в ателье платье, вы предуведомлены опытом, что или рукава у вас будут несколько короче, или подол длиннее, или на худой конец пуговицы смещены относительно проранок. Это та самая фига на обочине, к виду которой мы столь привыкли, что не прочь отнести ее к разряду декоративных растений. Неизвестно, кем и когда воткнута она в землю, но, коли воткнута, мы в молчаливом согласии принимаем ее за обязательную деталь отечественной флоры. И лишь когда означенная березка вымахивает до размеров неприличествующих, мы багровеем и шумим:

— Да что же это такое, товарищи! Да ведь это просто хулиганство!

Именно подобным криком души изошла жительница города Орска Балакирева, когда явилась в местный дом быта за жакетом. Надо сказать, что она явилась туда не впервые. Подуськиваемая обстоятельствами, дважды шила она здесь предметы верхнего туалета, а это уже можно назвать жизненным опытом. Словом, к непременному явлению «березки» на данном отрезке жизненного пути гражданка Балакирева была внутренне готова. Индпошив, однако, хватил лишку. Игнорировав изящный 48-й размер заказчицы, он сделал припуск в три номера. В результате на свет родилось нечто такое, в чем гражданка Балакирева безнадежно утонула.

— Да что же это такое, товарищи! — раздался изнутри ее голос.— Да ведь это...

Мастера во главе с закройщицей Агуреевой уже и сами узрели, что совершенное ими выходит за пределы приличия. Расторопно сдернув жакет, они стали производить над ним корректирующую работу, между тем как заказчица сидела под стенгазетой «За отличное обслуживание» и загибала пальцы. Один загиб равнялся в среднем одному возврату изделия, в котором дотошный клиент обнаруживал брак. За вынужденных полтора часа эксперимента Балакирева использовала всю левую руку, потом всю правую, потом опять левую и опять правую. Словом, получил живое подтверждение тезис, с которого мы начали наше повествование: в сущности, человека ошеломить трудно.

Граждане в большинстве своем предъявляли бракованные изделия тихо и скучно, не грозили возмездием, не вскидывали руки, бровями не размахивали. Привычное дело делали они.

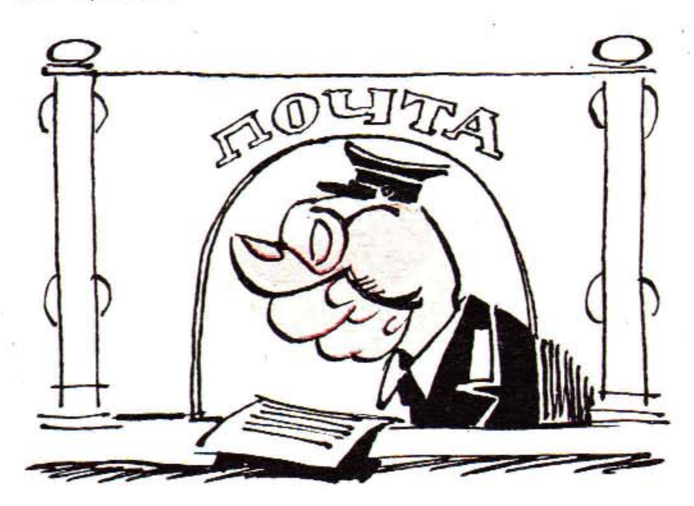
Жакет тем временем был готов. Разрыв между идеалом и его практическим воплощением был сокращен с трех размеров до двух, но и рукава сузились вдвое — руки не пролазили в них. С изделия бурно стекала вода. Глядя на образовавшийся ручеек, гражданка Балакирева думала: а не к тому ли свелась вся операция по доводке жакета, что его щедро намочили, дабы материал мог сесть? И еще она подумала, что никакая это не «березка» на придорожном пятачке, а самая что ни на есть махровая фига.

Редко и вяло вздымается наше возмущение — нервы дороже. Мы предпочитаем стерпеть натиск любой грубой флоры, нежели потревожить хотя бы одну из тех клеток, которые, твердит медицина, не восстанавливаются.

Роскошным удобрением для фиг всех мастей и размеров служит наша застенчивость. Чем скромнее мы, тем они наглее и развесистей. Не дрогнувшим шариком выводит свердловский железнодорожный кассир квитанцию № 782238 на сумму три рубля шестьдесят копеек — за услуги.

— За какие услуги? — дерзает полюбопытствовать пассажир, и оттого в нем столько лихости, что не одному себе приобретает билет, а еще одиннадцати сослуживцам. Перед ними и держать ему ответ за их денежки.

Морщится кассир на этакое крохоборство. Любопытствует кассир, в свою очередь, де, почему бы, когда берут столько билетов, не считать это заявкой? А за заявку полагается дополнительная плата — трехгривенный с носа.

— Но ведь мы не делали заявки! Я выстоял в живой очереди. Какое вы имеете право брать за услугу, которую не оказывали?

Упрям и наступателен был пассажир, и все потому, что за спиной у него высился коллектив в одиннадцать душ. На одного себя он поскупился бы тратить жар души и клеточки, которые не восстанавливаются. Фигизм, великий стратег, уловил это и терзает нас не скопом, а методом индивидуального подхода. Он выхватывает, например, жительницу станции Касимов, что на Рязанщине, Надежду Васильевну Маляеву и, шаля, отводит на ней душу.

Полтинник и еще пятак не пожалела Маляева — только бы телеграфно отстукали ей дату получения посылки, которую послала она в адрес Зарайской фабрики перьевых изделий. Неделя минула, другая, третья на исходе, а телеграфного уведомления нет да нет, хотя сколько же, прикидывает Маляева, идти посылке из Рязанской области в соседнюю Московскую? Узнаете? Есть плата за услугу, и нет услуги.

Надежда Васильевна послала запрос начальнику почтового отделения станции Шилово, откуда отправляла посылку. Начальник безмолвствовал. Тогда Маляева забарабанила в Министерство связи РСФСР — крепко, не щадя кулаков. «Ну, так ее не хватит надолго,— скажете вы.— По пустякам транжирит дефицитные клетки».

А вдруг хватит? И не только обтекаемо-мажорного ответа добьется жительница Касимова — меры, дескать, приняты, но и точной информации: кто и коим образом наказан. За неприличные комбинации из трех пальцев следует шлепать по рукам — затурканные стрессами, мы все прочнее забываем эту древнюю истину. И все чаще лишь на театральных подмостках звучит нынче: «Попрошу удовлетворения, сударь».

Между тем, читатель, знаете ли вы, что было в посылке, которую отправила на фабрику перьевых изделий Надежда Васильевна? Два пуховых одеяла с брачком, взамен которых она надеется получить нечто высококачественное.

Дочитав до этого места, скептически улыбнутся в противоположных концах страны учительница из Комсомольска-на-Амуре Ушакова и жительница Тарту Мищенко. Обе ведают, что такое посылать на предприятие изделия с безумной целью обмена их. Но если хабаровская обувная фабрика, куда Ушакова отправила лакированный брак стоимостью в тридцать пять рублей, слегка загримировала равнодушие к потребителю двумя письменными посулами, то московский завод резиновых изделий был мужественно откровенен. Кукиш без финтифлюшек предъявил он жительнице Тарту, и имела, заметьте, эта светлая комбинация далеко не первый порядковый номер.

Веселый парад начался в прошлогоднюю осень, когда гражданку Мищенко угораздило приобрести в московском магазине «Башмачок» резиновые сапоги. Вернувшись в дышащий туманом и сыростью Тарту, она, естественно, обнаружила в них брак. Считайте: дуля номер один. Так как клеймо завода-изготовителя темнило, как подпись на рецепте, гражданка Мищенко обратилась за консультацией в магазин «Башмачок». Но магазин не счел нужным утруждать себя шелестом бумаг и наобум назвал завод «Богатырь». Это была вторая фига, которая обернулась тем, что оскорбленное предприятие вернуло сапоги обратно. После этого они уехали по правильному адресу, и было это в конце прошлого года. Отморосила дождями прибалтийская зима, весна проблагоухала, а московский завод резиновых изделий № 1 все молчал. Видите, какие шикарные кукиши вымахивают на почве, щедро удобренной нашей с вами застенчивостью!

Итак, мы восклицаем: да здравствует нетерпимость! — но чу: вплетается в этот патетический глас нотка сомнения. Одолеем ли одной только нетерпимостью разбушевавшуюся флору? Не придать ли ей в помощь санкции?

Не готово белье в срок — за каждый просроченный день гоните пени, прачечная. Спортачили жакет — штраф отваливайте, ателье, уподобляясь шоферу, что нарушил правила... В этом месте мы ставим увертливое и т. д., ибо существуют инстанции, коих святое право помозговать на данную тему компетентней и пристальней. Мы же с вами да обострим свой взгляд и свое обоняние. Шагая меж разлапистых фиг, не будем принимать их за березовую аллею.

ВИЛЫ В БОК!

ВЫШЕЛ ИЗ ПОЛОЖЕНИЯ

Цепко держась за руль и крутя педали, девочки с Тюменского моторного завода меньше всего думали о славе. И двухколесный отвечал им взаимностью. Он прикатывал к финишу раньше других.

Так в один прекрасный день спортивный талант вкупе с упорным трудом привел их на пьедестал почета.

«Дорогой Крокодил! — пишут нам теперь работники техбюро 21-го цеха Тюменского моторного завода.— **Рассказать тебе, как в спортобществе «Рубин» поощряют отличившихся спортсменов!**

Отличившимся девочкам-велосипедисткам вручили подарок. Радовались девочки, пока не развернули его и не разглядели. В подарке было следующее:

1. Трико х/б 52-го размера 1-го роста.
2. Плавки м у ж с к и е 44-го размера.
3. Кепочка летняя на мальчика 8—10 лет.
4. Маска с трубкой для подводного плавания.

Огорчились девочки и вернули подарок председателю спортобщества «Рубин» Медведеву. Не моргнув глазом, Медведев преподнес эти же подарки пловцам после соревнований на празднике «Нептуна».

Вышел из положения!

Т. ШАБАШОВА.

УЧИСЬ ПЛАВАТЬ БРАССОМ!

Что такое «Кругозор»? Популярный, в основном звуковой журнал. Разве он может должным образом расширить кругозор вообще?

— Нет и нет!— в один голос воскликнули киоскеры города Степногорска, Целиноградской области.

Вот, к примеру, все ли знают, как выглядит магазин «Москва»?

Опять же нет.

А всякий ли умеет плавать стилем брасс, как Степанова-Прозуменщикова?

Безусловно, нет.

Так кто же должен ликвидировать этот пробел? Конечно же, киоскеры. Вот они и взялись за дело. Смело, энергично, с размахом. Например, покупает житель Степногорска Вяткин номер «Кругозора», а ему, пожалте, полдесятка открыток. А в другой раз, со следующим номером журнала, читатель идет в своем развитии дальше: получает руководство по бегу или плаванию, какое есть под рукой.

И результаты не замедлили сказаться. Теперь обладатели «Кругозора» даже с закрытыми глазами могут рассказать, как выглядит магазин в далекой Москве. Жаль, что открытки прилагаются одни и те же: это несколько тормозит развитие кругозора и тренировку памяти.

Сложнее обстоит дело с овладением стилем брасс. Хотя в руководствах по плаванию и сказано: «Опыт мастеров голубых дорожек — всем!» — последовать этому не так-то просто. За неимением голубых дорожек в городе степногорцам приходится овладевать «стилем» в домашних условиях. Правда, это не очень удобно: в ваннах тесновато,— но зато как закаляются воля и нервы! И опять же расширяется кругозор!

Свой вклад в расширение кругозора покупателей вносят и работники Каменского книготорга (Ростовская область). Нужно сказать: они не ищут непроторенных путей в торговле с нагрузкой. А попросту слепо копируют методы степногорских коллег: Хочешь приобрести пачку писчей бумаги — в придачу покупай пять открыток с видом Тбилисской картинной галереи. Бумага — 45 копеек, открытки — 50 копеек.

Зато у книготорговцев города Гусь-Хрустальный дело поставлено с большей выдумкой. В приложение к дефицитной литературе идут брошюры, так сказать, исторического плана. В частности, книгу «Лекарственные растения Верхневолжья» житель города Гусь-Хрустальный Ю. Бакулин смог купить только в комплекте с брошюрой «Есть 1965 год!» (об опыте работы одной владимирской прядильщицы, издание 1962 г.). В своем рвении сбыть старье книготорговцы, видно, забыли, что на дворе уже есть 1974 год...

В. СИНЦОВА.

— Кто здесь крайний?
— Левый крайний я.

Рисунок Е. ЩЕГЛОВА

Виктор
ЖЕМЧУЖНИКОВ

Плоды раздумья

Счастье выращивает друзей, а несчастье их отсортировывает.

Шутам положено быть ярче королей.

Если слово «Караул» хорошенько отредактировать, то получится «Ура!».

Программа нравственного лилипутства: «Наше дело маленькое!»

Разве уже прошли те времена, когда каждая обезьяна могла стать человеком?

Фильм, поставленный по роману, — интереснейший материал для нового романа.

Человек оказывается во власти денег чаще, чем деньги во власти человека.

Соверши доброе дело: столкни зло со злом.

Мемуаристы любят начинать свои воспоминания с незапамятных времен.

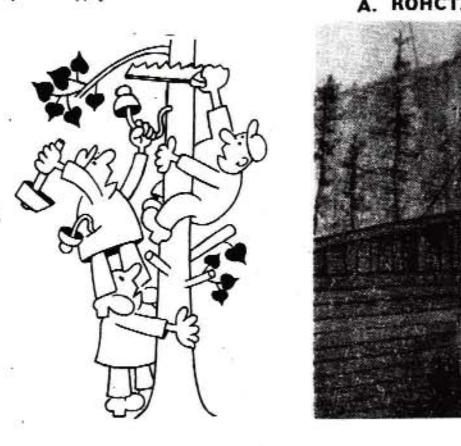
Деньги имеют свойство попадать не в те руки.

ПЕРВЫЙ ОПЫТ

Первый опыт по созданию «естественной» линии электропередачи сделан электриками из поселка Ыллымах, Якутской ССР. Сейчас уже трудно догадаться, каким деревом был этот столб до того, как, отрубив ветки и макушку, на него натянули электропроводку, ведущую к будке с компрессором. Но то, что дерево было живым,— это точно.

А. КОНСТАНТИНОВ.

На диком мохеровом береге

Пойманный за целое утро один-единственный, сплошь покрытый шерстью подлещик-меринос молвил вполне человечьим голосом. Молвил такое, что по соображениям благопристойности воспроизвести печатно немыслимо. И, между прочим, все, что он молвил, касалось руководства Пушкинского филиала № 1 фирмы «Подмосковье», вырабатывающего ткани для детских шерстяных изделий.

Впрочем, читатель знает, что разговаривает рыба лишь в сказках. А молвил за нее местный рыболов-любитель, снимавший с крючка вот уж который раз жирные шерстяные водоросли:

— Эх, поговорить бы по душам с начальством этого самого филиала!

...Как маяк, высится фабричная труба над морем мусора, готового захлестнуть фабрику. Рукотворное это море ширится, взбухает и грозится поглотить пока еще сравнительно чистую речку Учу, на берегу которой уже какой год текстильщики явочным порядком созидают грандиозную по масштабу свалку.

Директор филиала Василий Оксентьевич Онищенко принял нас радушно. Ничего не отрицал. «Действительно, малость есть. Напачкали. Уберем. Очистим. Приведем в порядок».

Верилось, что сознательное начальство после столь любезной ему критики горы своротить может. И верно, Василий Оксентьевич горы своротить согласился. Но вывозить мусор в специально отведенное для свалки место наотрез отказался. И приказал своему заместителю Юрию Георгиевичу Гассану достать бульдозер хоть из-под земли, а мусор, наоборот, зарыть в землю.

И закипела ударная работа.

А мы, чтобы как-то компенсировать загубленную рыбалку, отправились созерцать окрестности Учи. Нежданно-негаданно набрели на примостившийся в укромном уголке отделочный цех того же филиала № 1. Через территорию цеха пробивается речка с поэтичным названием Серебрянка. Муторно стало нам при виде грязной лужи с грудой мусора, сползающего по ее ослизлому берегу...

Начальник цеха Евдокия Григорьевна Ковалева встретила нас не более ласково, чем на войне встречают парламентеров противника: убивать нельзя, но и церемониться нечего.

...И еще в один скрытый от постороннего глаза уголок занесла нас наша настырность. Не советуем эстетам и слабонервным спускаться в трюм центральной общерайонной станции перекачки «МН-I», предназначенной для очистки канализационных и прочих стоков.

Со всего района сюда стекаются нечистоты. Чего-чего только не несет этот бурный поток! Но все пустяки по сравнению с вездесущей шерстяной ветошью. Свалявшиеся, спутавшиеся космы проникают в отстойники, забивают трубы многопудовыми, глухими пробками и останавливают насосы. Едва успевают очищать их вконец умаявшиеся рабочие, изо всех сил отводя угрозу аварийного сброса.

...Когда мы снова пришли на Первый филиал, товарищ Гассан встретил нас не в пример Ковалевой почти что радостно:

— Опять вы? Прекрасно! Ручаюсь, не узнаете местности! Реставрировали первозданную красоту.

И впрямь, на берегу появился новенький забор. На нем мемориальная доска:

ЗОНА ОТДЫХА.
Запрещается мыть машины, сваливать мусор.

Кромка берега подчищена. Возвышавшиеся еще недавно курганы из мусора перепаханы бульдозером, смешаны с землей и грязью. Издали: ни дать ни взять — черноземная полоса.

Только замечаем у самой воды едва притоптанные добрыми молодцами мохеровые клочья, видим, как из захламленного заводского двора, где хранятся горюче-смазочные материалы, из киснущего, крепко заквашенного на помойном отстое болота по-прежнему струится в Учу затянутая жирной пленкой юшка.

Товарищ Гассан сначала на нас обиделся, когда потянули мы за край торчащую из-под тонкого слоя песка тряпку и вытащили цветастое лоскутное одеяло из начесов.

— Да что, я вам тут пляж буду строить? Евпаторию?!

У берега плеснулась какая-то рыбешка и молвила человечьим голосом:

— ....!

Л. САМОЙЛОВ

Фельетон был уже написан, когда стало известно: после тщательного обследования на администрацию филиала наложен персональный штраф, что запечатлено в соответствующих протоколах. Учитывая это, а также приняв во внимание клятву администрации, мы отложили готовый фельетон в папку «Меры приняты» и почили на лаврах. В конце концов не в публикации счастье! Но через год естественное любопытство снова толкнуло нас на благословенный берег Учи. И что же?

Воздвигнутый в прошлом году заборчик стоит, как твердыня, на своем месте. Правда, установленная на нем сгоряча, в запале энтузиазма, доска с надписью «Зона отдыха» на всякий случай уже бесследно исчезла. От греха подальше! Там и сям сверкает на солнышке битое стекло, непокорно торчит из земли металлолом. Прямо скажем, берег неузнаваем! Директор сдержал слово — расчистил берег.

Теперь свалка переместилась на территорию фабрики. И если в прошлый наш приход зрелище, которое являл собой черный двор, было не для слабонервных, то сейчас оно просто не поддается описанию. Здесь все ржавеет, гниет, разлагается, а берег — не подкопаешься! — чист.

Но зачем же подкапываться, если ветхий заборишко, вроде ширмы отделяющий черный двор от берега, кое-как навешен над овражком, по которому беспрепятственно, день и ночь струятся в Учу ядовитые нечистоты.

И теперь нам показалось, что прошлогодний фельетон следует все-таки пустить в дело. А то чего доброго через год и самое фабричку не найдем: потонет в мусоре.

—Дом построили, машину купили, а старуха опять за свое: иди, поклонись рыбнадзору, хочу цветной телевизор!

Рисунок В. МОХОВА и В. МОЧАЛОВА

ВОТ ТАКИЕ СОВПАДЕНИЯ!..

Едут в купе поезда два абсолютно разных и совершенно незнакомых человека. Один — молодой, другой — старый. Один — высокий, блондин, другой — пониже, брюнет. Брюнет живет в Ташкенте, а высокий в городе Щучьем, Курганской области. Такие вот разные люди...

А сидят они вдвоем. И вроде бы полагается о чем-то говорить. Но никак беседа не клеится.

И вдруг один вполголоса замечает, что живет он в Ташкенте прямо напротив асфальтобетонного завода. Как тут встрепенулся пассажир из Щучьего! Оказалось, что окна и его квартиры выходят на такой же асфальтовый завод. Бурлящим потоком полилась беседа. О том, как облака кварцевой пыли и цемента застилают ташкентский микрорайон «Болгарские огороды». Как не менее густые клубы едкого дыма и сажи окутывают улицу Базарную в городе Щучьем. Как с утра и до вечера источают заводы-близнецы нестерпимые миазмы.

— Дышать невозможно! — восклицал ташкентец.

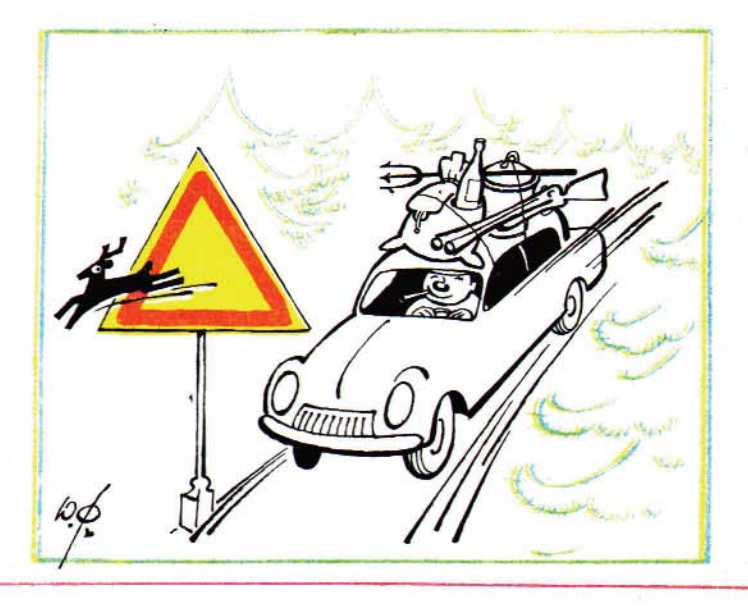
— Понимаю, друг! — кивал собеседник. — Нам не легче. В самую жару окна нельзя открыть...

И все больше удивлялись эти абсолютно непохожие люди, до чего же много в их жизни было абсолютно схожего. Писали идентичные жалобы в одни и те же инстанции. И местная пресса совершенно одинаково реагировала на сигналы критическими заметками. И как в Ташкенте, так и в Щучьем эти сатирические выпады печати ровным счетом ничего не изменили.

Наконец, две в равной мере уважаемые организации — Ташкентский горисполком и Щучанский райисполком — одинаково авторитетно пообещали немедленно выправить положение и перенести асфальтовые заводы из жилых районов. Но и в Щучьем и в Ташкенте после этого все осталось на своих местах. В том числе и асфальтовые заводы. И поныне совершенно единообразно дымят и пылят они на головы совсем непохожих друг на другах жителей Щучьего и Ташкента.

Вот такие совпадения...

В. КОНОВАЛОВ.

ВЫЕЗД НА ПРИРОДУ

Рисунок Ю. ФЕДОРОВА

Вл. МИТИН, специальный корреспондент Крокодила

РЕПОРТЕР ИДЕТ ПО СЛЕДУ

Началось все просто. Не демонического вида доноситель в прорезиненном плаще, а миловидная курьерша принесла в мешке с редакционной почтой такой сигнальчик:

«Товарищи! Сообщаем вам, что на товарной станции Почеп у вас украдено тридцать тысяч рублей. Конечно, вы скажете, что живете по средствам и таких сумм у вас сроду не было. Тем не менее можете приехать с розыскной собакой и убедиться...»

Собаки в редакции нет. Я хватаю аэрофлотовскую суму, прощаюсь с окружающими и сажусь в ультраголубой экспресс Москва — Брянск.

Он и доставляет меня на станцию Почеп. Повсюду в черных лужах валяются искореженные механизмы, потерявшие божеский вид контейнеры, горы заброшенных и уже бесполезных машин. Кто бросил все это? На время я забываю странное заявление об украденных у редакции суммах. Надо найти безобразников, погубивших такую уйму добра. Или свидетелей. Но нет никого в округе: обед, безлюдье.

Сжимая авторучку, я вступаю в мышиный сумрак пакгауза. Пахнет просом, сапогами, и хочется сорвать какую-нибудь пломбу.

— Отзовитесь кто-нибудь! — по-грибному гукаю я, сложа мегафоном взмокшие ладони.— Откликнитесь!

— Ау! — откликается жующий дамский силуэт в дверном проеме. — Я приемосдатчица Граброва. А вы получатель?

Я ввожу тов. Граброву в суть дела.

— Сколько, вы говорите, у вас украли? — с кровожадной задумчивостью переспрашивает она.— Ну, это еще пустяки. В целом здесь похищено гораздо больше... Для начала произведем инвентаризацию.

Мы на рысях обегаем обширное поле конторы.

— А это вот что? — кричу я, цепляясь ботинками за остовы механизмов.— Киргизские юрты?

— Нет. Бункера... А там, в клетках, видите?

— Вижу. Кости ящеров?

— Ну-у! Это усовершенствованные доилки УДС-3. Тыща восемьсот рублей каждая. Их потом вообще разорили. А вот грузоподъемники. Дорогие, черти... И в утиль их нельзя: у них есть законные хозяева. И ведь не лень было гонять транспорт, раскредитовывать, расписываться в получении. А вот это уголь, бетон, соль, оборудование... Сотнями тысяч пахнет.

— Кто же, кто? — дрожа от охотничьего азарта, спрашиваю я.— Кому охота была губить такие деньги?

Тов. Граброва, обладающая феноменальной памятью, отвечает:

— Сдается мне, например, что след от доилок приведет в колхоз «Власть труда». А от грузоподъемников — к совхозу «Баклань». Насчет остального сверьтесь по конторским книгам...

Третий час я глотаю в конторе пиретрумную пыль архивов. Почему-то книги приемки и сдачи не возведены в ранг строгой отчетности. За один год они есть, а за другой их нет. Труд кошмарный: надо расшифровывать бисерный почерк, испещривший графы «грузов крупных» и «мелочовки». След доилок и бункеров канул в канцелярскую пучину, зато вдруг выплыло СМУ-28, воздвигшее на станции тысячетонный Эверест из щебня.

Так-с. Далее обнаруживается хлебокомбинат, преступно бросивший 360 тонн угля... То же самое проделал с угольком крахмальный завод.

Следы проясняются! Колхоз «Свободный труд» и совхоз «Супрягинский» отдали на произвол судьбы по 128 тонн железобетонных изделий каждый. Слава богу, супрягинцы уже наказаны на две с половиной тысячи рублей штрафа. Но изделия и ныне там...

С редким единодушием забыли на станции одинаково по 126 тонн такие разные организации, как школа № 37 и «Мебельдревпром»: первая — уголь, вторая — железо. И ниже, как из решета... Совхоз «Трудовик» бесшабашно презрел «ж/б изделия — 128 т», присыпав их тридцатью тоннами соли. Она же, в свою очередь, пропала под чьим-то углем, а возможно, и под торфяными брикетами совхоза «Юбилейный» (48 тонн), каковой и ухом не ведет...

Да это целая уголовная хроника! Всего на станции Почеп брошено пять тысяч тонн различных народнохозяйственных грузов, и не последнее место в хронике занимает торговая база, где директором тов. Ноздря. Где вы теперь, товарищ директор? Собираетесь ли хотя бы частично возместить причиненный ущерб?..

Неизвестность... Зловещая тишина легла над кладбищем товаров. Растет число обвиняемых, и пухнет мой блокнот, но по-прежнему затаились где-то хозяева доилок, бункеров и подъемников. Они-то (доилки и пр.) как раз и составляют тридцать тысяч, о которых писал в редакцию таинственный информатор.

— Да,— говорят в редакции районной газеты.— Это, наверное, председатель «Власти труда» Побудилин и директор «Баклани» Шимелинин. Они не вывозят...

Я ищу на карте Почепского района эти хозяйства, рисуя в мыслях погоню на автомобилях, пластунское подкрадывание к председателевой избе...

— Никого не надо догонять и тем паче ни к чему подкрадываться,— советуют районные коллеги.—Аккурат в эту минуту идет районный актив, и вы там этих голубчиков, к-а-а-к миленьких!

Но дело плохо. Хотя вестибюль и блокирован нами, участники совещания частично ускользают в коридоры.

— Братцы! — кричу я.— Не встречали ли вы тут товарища Побудилина?

— А вы кто таков? — с подозрением спрашивает тучный мужчина в панаме.

— Я буду ихний родственник! — иду я на явный подлог.

Мне показывают человека в кепке, имеющего тенденцию спрятаться за колонной. Я припираю Михаила Петровича к стене, покуда коллеги завлекают разговором директора «Баклани».

— Ну, вот еще и придумали,— певуче начинает председатель «Власти труда».— Да клянусь аллахом, никаких таких доилок и бункеров я и в глаза не видел...

— Покайтесь, Михаил Петрович,— взываю я к гражданской совести тов. Побудилина.— Признание облегчит вашу душу и даст стране много металлолома...

— Ну, еще и удумали,— закрываясь кепкой, сладко поет председатель, пятясь к выходу.— И какие такие бункера, даже в толк не возьму.

Я хватаю скользящего председателя за локоток и влеку в кабинет первого секретаря РК КПСС товарища А. С. Шереметьева.

— Михаил Петрович, сказывай! — тихо и грозно говорит Александр Сергеевич.— Твоя техника? Все равно найдем. Хуже будет...

Председатель делает живописное движение кепкой и быстро-быстро говорит о пронесшемся тайфуне, упавшей во ржах комете, о том, что его вообще, наверно, путают с колхозом «Власть Советов», и, понятно, о запчастях, которые...

— Не хотите говорить,— резюмирует Александр Сергеевич.— Так и запишем...

Я спускаюсь в холл, где плавно объясняет что-то коллегам ничего не подозревающий Иван Акимович.

— Подъемники?—пугается директор «Баклани».— Доилки? Первый раз слышу...

Кумачовые тона заливают мужественное директорское лицо. Мы отпускаем его душу на покаяние, взяв честное благородное слово вывезти технику.

Я у районного отделения Госбанка. Кто-то долго молчит, разглядывая меня в бронированный «глазок». Наконец мне удается проникнуть в банк. Увы, по бухгалтерским книгам найти что-нибудь не так просто: обозначены лишь денежные позиции.

— Ага! — вскрикиваю я, смущая тихих банковских служащих.— Какой пикантный поворот!

В 1972 году не кто иной, как именно ангельски невинный Иван Акимович из «Баклани» перечислил «Сельхозтехнике» пять тысяч четыреста карбованцев! То есть именно стоимость трех искомых доилок... Теперь только бы установить дату выпуска доилок. Путем скрупулезного освидетельствования погибшего механизма я нахожу на нем цифру 1972... Оставив в областных организациях надежных тайных агентов для продолжения поисков, я возвращаюсь в редакцию.

Суд идет!

Нет, нет, пока вставать не надо. Это еще не приговор. Так что можно, сидя в кресле, поразмыслить о том, как не знаменитый детектив, не сыщик, не следопыт, а рядовой фельетонист, не имея никакой аппаратуры, кроме авторучки, и без розыскной собаки нашел на станции Почеп загубленного добра не на 30 тысяч рублей, а примерно на 300 тысяч.

Эта сумма (а может быть, и еще большая) украдена у всех у нас среди бела дня.

А вот теперь выносите свой приговор, читатель.

ст. Почеп, Брянской области.

Евгений ЕВТУШЕНКО

ИЗ САТИРИЧЕСКОЙ ТЕТРАДИ

Рисунки В. ШКАРБАНА

ОТ АВТОРА

В «Крокодиле» я выступаю впервые, хотя многие годы являюсь постоянным подписчиком и читателем этого журнала и автором его до сих пор не был лишь случайно.

Утверждение завоеваний социалистического общества неотделимо от борьбы с пережитками прошлого, с бюрократизмом, пьянством, карьеризмом, со всеми видами бездуховности, противоречащей принципам социализма. Замечательный пример работы поэта в сатире дал Маяковский, предупреждавший: «Много разных мерзавцев ходят по нашей земле и вокруг». Он гневно обличал и комчванство, и «прозаседавшихся», и присыпкиных внутри страны, а также зарубежных врагов нашего, тогда еще молодого государства. Не забудем о том, что, написав поэму «Хорошо!», он мечтал написать поэму «Плохо». Именно эта настойчивая борьба с недостатками и давала Маяковскому право гордо воспевать Родину, как весну человечества.

Нерон

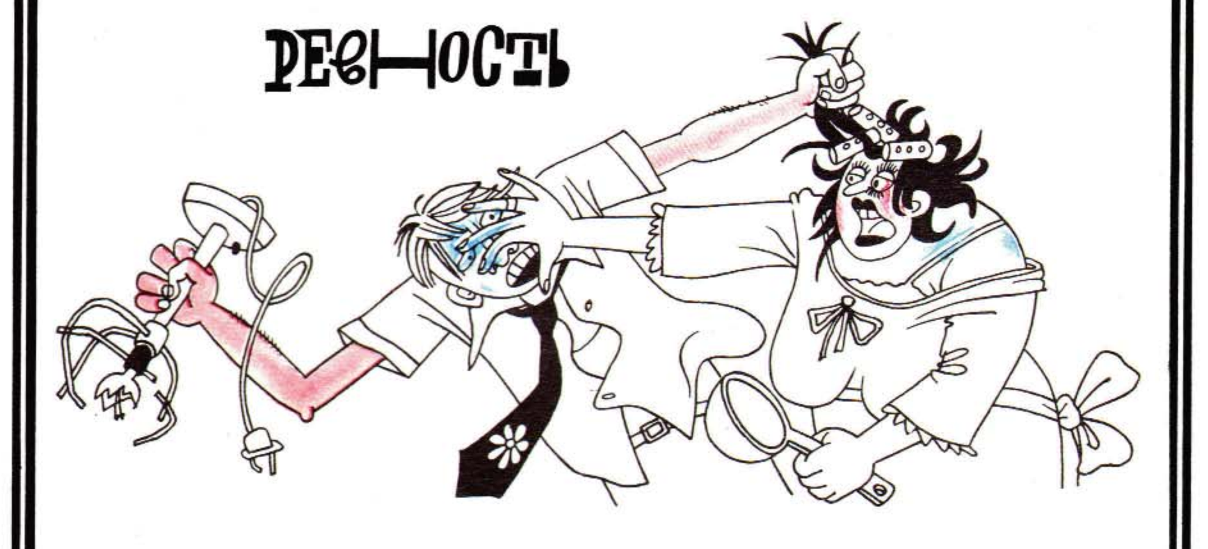

Однажды на футболе в Лужниках,
когда в момент священный перерыва
сограждане спокойно пили пиво
или пыхтя толкались в нужниках,—
я увидал, товарищи, Нерона!
Он нес в руке,
стараясь быть скромней,
бутылку «Жигулевского»
с короной
бумажного стаканчика на ней.

Глаза навыкат,
словно у вола.
Надменный лоб.
Массивность подбородка.
А сильный запах выдавал, что водка
владыкой Рима принята была.
Нерон,
меня толкнувший невзначай,
был живописен:
морда цвета семги,
и от кальсон лазурные тесемки
на черных ботах
«Молодость, прощай».
«Узнали! —
усмехнулся нервно он.—
Обрыдло.
Вечно с шутками суются.
Я тоже гражданин, член профсоюза!»

И шепотом:
«А все же я Нерон».
Тут восклицанья были бы пошлы,
и я сдержал восторг на полувздохе:
«Позвольте,
как вы дожили,
дошли
до нашей замечательной эпохи!»
Нерон ответил,
бутерброд жуя
с полтавской подозрительной колбаской:
«Как римский цезарь,
относился я
к любой еде с понятною опаской.
Патриции заели —
так их мать!
Я по совету хитрого нубийца
по маленькой стал яды принимать,
чтоб отравить меня не смог убийца.
Я принимал по маленькой любовь
и дружбу —
это тоже яд, по сути,
яд кобры,
яд неведомых грибов,
все яды мира —
словом, тутти-фрутти.
И выработал я иммунитет.
Я, как плебейство, стал неотравимым.
Да, Русь уже не та,
и мы не те,
но Рим,
товарищ,
остается Римом.
И, знаете,
неплох двадцатый век:
есть хлеб и даже зрелища...
Порядок!
Московским управлением аптек
внесен я в штат как дегустатор ядов.
И я —
вот был бы Тацит изумлен —
без жажды буржуазной лжесвободы
в многотиражку «Красный цитрамон»
пишу свои элегии и оды...»
«Так вы бессмертны!
Вам и яд — ничто!» —
я закричал,
мысль подводя к итогу,
но цезарь
москвошвейское пальто,
внезапно вздрогнув,
запахнул, как тогу.
Испуганно забился тусклый взгляд:
«Нубиец говорил, что так,
но я-то,
я знаю:
правда — для тиранов яд,
поскольку нету в ней ни капли яда...»
Нерон встряхнулся:
«Ладно, я попер.
Игра идет сегодня гладковато.
Блохин, конечно, да,
но вот Бобер,
пожалуй, был получше гладиатор...»
И, сознавая бренность прочих дел,
Нерон бочком нырнул туда, где арка,
и
стадион,
качнувшись,
загудел,
как будто императорская арфа.

Ревность

Бессмысленно мужей ревнуют жены,
бессмысленно мужья ревнуют жен,
и воздух браков, злобой зараженный,
как будто на границе, напряжен.

В любви вдвойне скандал дешевый низмен,
невыносим супружеский бедлам,
и ревность нечто вроде шовинизма
или «Моя игрушка! Не отдам!»
Достойней будьте... Что кричать,
окрысясь!
Скажите: «Ты не любишь! Бог с тобой!»
Но ревность создает посудный кризис
и с кислотою серной перебой.

На что глядят родимые рябины,
когда дерутся под «Шумел камыш»!
Ну хоть бы ревновали, но любили.
А то ревнуют, а не любят. Шиш!

Чем пахнет ревность! Дустом, керосином...
Напрасно утешаемся подчас,
что было бы совсем невыносимо,
когда б совсем не ревновали нас.

Есть в ревности жандармщины пружина.
Уж лучше горе выплакать навзрыд,
но дух зажима — слабина режима:
история народов говорит.

О собственники мрачные, не дуйтесь.
Греша, смешно мораль преподавать.
От собственного жлобства расколдуйтесь,—
потом пытайтесь жен приколдовать.

О собственницы милые, умерьте
пыл в перебранках — кто во что горазд.
К сопернице одной ревнуйте — к смерти.
Когда она отнимет — не отдаст.

Дитя-злодей

Дитя-злодей встает в шесть тридцать,
литой атлет,
спеша попрыгать и побриться
и съесть омлет.
Висят в квартире фотофрески
среди икон:
Исус Христос в бродвейской пьеске,
Алан Делон.
На полке рядом с шведской стенкой
Ремарк, Саган,
брошюрка с йоговской системкой
и хор цыган.

Дитя-злодей влезает в «троллик»,
всех раскидав,
одновременно сам и кролик
и сам удав.
И на лице его
бесстрастном
легко прочесть:
«Троллейбус — временный мой
транспорт,
прошу учесть».
И подъезжает он к ИНЯЗу
или к ИМО,
лицом скромнеет он,
и сразу —
чутье само.
Он слышит голос чей-то слабый:
«Вольтер... Дидро...»
А в мыслях — как бы тихой сапой
пролезть в бюро.
В глазах виденья, но не бога:
стриптиз и бар,
Нью-Йорк, Париж
и даже Того
и Занзибар.
Его зовет сильней, чем лозунг
и чем плакат,
вперед и выше —
бесполосный
сертификат.
В свой электронный узкий лобик
дитя-злодей
укладывает,
будто в гробик,
живых людей.
И он идет к своей свободе,
сей сукин сын,
сквозь все и всех,
сквозь «everybody»,
сквозь «everything».
Он переступит современно
в свой звездный час
лихой походкой супермена
и через нас.
На нем техасы из Техаса,
кольцо из Брно.
Есть у него в Ильинке хаза,
а в ней вино.
И там в постели милой шлюшки
дитя-злодей
пока играет в погремушки
ее грудей...

Детский крик

Раздражающий детский крик,
вызывающий нервный тик
у любителей мертвого часа,
в Коктебель по-бунтарски проник,
и терпенья создателей книг,
так сказать, переполнилась чаша.

Никакой не поможет щит:
что-то ползает, что-то пищит
под ногами у реализма.
Детский лозунг: «Война — творцам!»
Не в пример деловитым отцам,
дети, словно с цепи сорвались вы!

Мальчуган-курнопеля жесток.
Он свистит в милицейский свисток,
чтоб роман у папули не вышел,
и, скача на одной ноге,
швыранула дочь критика Г.
в его «Эврику» косточки вишен.

Дети лают, коверкают «р»,
дети папам сбивают размер:
то лягушку на стол им подложат,
то ревут, рифмовать не веля
«зрелость — смелость», «земля — поля»,
«трактор — трактом» и «площадь — полощет».

Есть порой и в поэзии час,
убаюкивающий нас:
лень, отрыжка, одышка, зевотца.
Но не вечен духовный тупик:
будет чей-нибудь детский крик.
В «тихий» час он прорвется, взорвется.

Детский крик по-язычески дик,
но что он справедлив и велик,
не поймет либо дуб, либо дура.
Жизнь кричит, мертвечину поправ.
Детский крик раздражает! Он прав.
То же самое — литература.

Компромисс Компромиссович

Компромисс Компромиссович
шепчет мне изнутри:
«Ну, не надо капризничать.
Строчку чуть измени!»
Компромисс Компромиссович
не палач-изувер.
Словно друг,
крупно мыслящий,
нас толкает он вверх.
Поощряет он выпивки,
даже скромный разврат.

Греховодники выгодны:
Кто с грешком —
трусоват.
Все на счетах высчитывая,
нас,
как деток больших,
покупает вещичками
компромисс-вербовщик.
Покупает квартирами,
мебелишкой,
тряпьем,
и уже не задиры мы,
а шумим — если пьем.
Что-то — вслушайтесь! — щелкает
в холодильнике «ЗИЛ».
Компромисс краснощеконький
зубки в семгу вонзил.
Гномом
вроде бы мизерным
компромисс-бодрячок
иногда с телевизора
кажет нам язычок.
«Жигули» только куплены,
а на нитке повис,
как бесплатная куколка,
хитрован-компромисс.
Компромисс Компромиссович,
как писатель, велик —
автор
душу пронизывающих
сберегательных книг.
Компромисс Компромиссович,
«друг»,
несущий свой крест,
мягкой, вежливой крысочкой
потихоньку нас ест...

В одной «компашке»

Всё смешки,
смешки,
смешки,
всё грешки,
грешки,
грешки,
грязненькие,
сальные.
Почему так тешат всех
общий смех
и общий грех —
свальные,
повальные!
Начинаешь говорить —
начинают гомонить,
предлагают выкушать.
Чуткость взял себе радар.
Стал таким редчайшим дар —
человека выслушать.

Ставший на ухо тугим,
невнимательный
к другим,
человек изматывается
из-за чьей-то
с холодком
или с шумным хохотком
невнимательности.
Разве
в этом крутеже
слух,
отзывчивость —
уже
ложные условности!
Что случилось,
брат-поэт!
Смеха много —
эха нет.
Чувство безэховности.

Феня

«Мне, в общем, все
до Фени...» —
ходячие слова,
усмешка сытой лени
с оттенком хвастовства.

Ты кто такая, Феня!
В каких живешь местах!
Ты ведьма или фея!
Буфетчица в летах!

Ты толстая бабища
с усами над губой,
как будто бы гробище,
громоздкая собой.

На недолитой пене,
на всем, что пьют и жрут,
составила ты, Феня,
сама себе уют.

Ты в кооперативке
приятственно блудишь
и с мордою кретинки
на Штирлица глядишь.

Ты пахнешь пирогами
в нагретом неглиже.
Приклеишься губами —
не вырваться уже...

З. ЮРЬЕВ

ДОКТОР ЛЕНГ ВОЗОБНОВЛЯЕТ ПРАКТИКУ

В одиннадцатом номере «Крокодила» был напечатан фельетон «Ревнивый кактус» — о зарубежных шарлатанах, выступающих под маской парапсихологов. Редакция получила множество писем от читателей. Одни согласились с выводами фельетониста, другим кажется, будто «что-то все-таки в парапсихологии есть». Причем последние ссылаются на статьи, опубликованные в ряде советских изданий. Оставляя научность и достоверность этих материалов на совести соответствующих редакций, предлагаем вниманию читателей новый фельетон того же автора о продолжающемся «мистическом буме» на Западе.

Сразу на прием к нему не попадешь: приходится ждать своей очереди. О нем пишут газеты и журналы. Он дает интервью. В общем, доктор Уильям Ленг, практикующий ныне в Англии, полностью подпадает под определение «модный врач». За одним небольшим исключением. Дело в том, что мистер Ленг благополучно скончался тридцать семь лет тому назад, 13 июля 1937 года.

Это не шутка, не фельетонное преувеличение. И очередь к доктору Ленгу есть, и умер он по-настоящему. И гонорар берет настоящими деньгами. Просто доктор, отличавшийся, надо полагать, весьма деятельной натурой, довольно быстро соскучился в потустороннем мире. Вынужденное безделье буквально портило ему загробную жизнь, и он, заручившись согласием местного руководства, решил продолжать врачебную практику на грешной земле. Но так как материализовываться добрый доктор не умел, пришлось подыскать медиума, чьими руками в буквальном смысле он мог бы врачевать страждущих.

И такой медиум нашелся. Им оказался некий пожарный из небольшого городка Айлесбери по имени Джордж Чэпмен. Вот как он рассказывает о начале своей врачебной карьеры сотруднику французского журнала «Пари матч» Роберу Барра: «Я всегда интересовался парапсихологическими явлениями. Я присутствовал на всех спиритических сеансах, которые устраивали мои товарищи, столоверчение увлекало меня...»

Итак, столики жалобно скрипели, подпрыгивая под крепкими руками пожарных. И часто отстукивали Джорджу Чэпмену одну и ту же депешу: его ожидает расставание с пожарной кишкой и блестящая карьера исцелителя.

Пожаров в Айлесбери, к счастью, было мало, и мистер Чэпмен начал заниматься самоусовершенствованием. Вскоре дух его уже легко летал в астральных просторах, направляемый умелой рукой духа-гида. В один прекрасный день гидом оказался дух доктора Ленга. «Он вначале сказал,— рассказывает мистер Чэпмен,— что нуждается во мне, чтобы исцелять на земле. Я тут же согласился».

Лечит пожарный-исцелитель все болезни и все одинаково, поскольку имеет дело не с бренными телами своих пациентов, а с их невидимым астральным духом. Два-три пасса, легкое движение пальцами — и, пожалуйста, следующий.

Надо сказать, что мистер Чэпмен не одинок. И другие исцелители придают себе респектабельность, сообщая, что выступают в паре с каким-нибудь покойным врачом. Некая Мэри Роджерс, например, утверждает, что в нее периодически вселяется дух доктора Джона Саймона, скончавшегося еще в царствование королевы Виктории.

Удивительное на первый взгляд дело: самыми беспокойными духами оказываются именно врачи. Нет, чтобы какой-нибудь покойный кузнец или торговец рыбой начал искать медиума с предложениями помощи в кузнице или за прилавком магазина... Что это, чистая случайность или дело объясняется заработками исцелителей, которые достигают астрономических цифр?

Заканчивая свою статью в «Пари матч», мсье Барра решил подкрепить свой рассказ «научными» данными о загробной жизни. С этой целью он вспоминает о книге некоего психолога из ФРГ Раудиве, который как-то обнаружил на магнитофонной пленке чьи-то голоса, беседующие на семи языках. Ученый психолог пришел к выводу, что голоса явно доносятся с того света. К такому же выводу пришло несколько англичан, которые поместили магнитофон в сурдокамеру и включили запись. Через восемнадцать минут на пленке появились чьи-то голоса — целых двести! — неясно бормотавшие что-то. По убеждению участников опыта, голоса доносились опять-таки из потустороннего мира.

«Как объяснить это явление,— спрашивает читателей мсье Барра,— если не принять гипотезу о загробной жизни?» А кончает статью уже совсем просто: «Материя, энергия, свет, тепло, мысль суть не что иное, как разные формы силы, которую некоторые называют Всеобщим духом, а другие Богом».

Браво, мсье Барра! Какая эрудиция, какой научный подход, как, наконец, убедительны факты, которые вы приводите! Неужели вы написали все сами или вам тоже помогал дух какого-нибудь вашего коллеги, почившего в бозе пару сотен лет тому назад? Ведь уже в XIX веке мало-мальски трезвые головы отказывались всерьез говорить о спиритизме. Да и не было, пожалуй, ни одного серьезного медиума, которого бы раньше или позже не уличили в элементарном жульничестве.

В памфлете «Ревнивый кактус» мы рассказывали о книге американцев Томпкинса и Бэрда «Тайная жизнь растений». Книга подверглась в США уничтожающей критике. И вот недавно — очевидно, с целью подтвердить позицию авторов — в печати появились некоторые отзывы читателей.

Миссис Харриет Ван Хорн говорит: «Мой комнатный филодендрон любит тишину и вино. Предпочтительно красное. Когда же моим растениям что-нибудь угрожает, я даю им коньяк, разведенный водой... Каждый

день я ласково разговариваю с моими растениями. Это им очень приятно, ведь они так чувствительны. Они так тонко организованы, что отличают республиканцев от демократов. Они предпочитают демократов».

Думается, что открытие миссис Ван Хорн не пройдет незамеченным, ведь иной раз и человеку трудно определить, чем отличается демократ от республиканца, и наоборот. Впрочем, красное вино и особенно коньяк (лучше без воды), конечно, помогают. И не только растениям. С другой стороны, не нужно искать себе сторонних собутыльников. Опрокинул с геранью рюмочку, поговорил по душам — хорошо. И сам выпил и доброе дело сделал.

Мисс Лаура Канингхэм рассказывает, что даже в отпуске, находясь за тысячи миль от дома, она регулирует рост своих комнатных растений, передавая им телепатические указания.

Миссис Грубер из штата Нью-Джерси однажды посмотрела на свои фиалки и сказала им: «Послушайте, я не собираюсь шутить с вами. Я не желаю вас больше видеть в таком состоянии. Когда я вернусь вечером, извольте цвести!»

И что вы думаете? По словам миссис Грубер, строгое обращение подействовало. Убедительно? А ведь именно такими фактами обычно и оперируют парапсихологи. Впрочем, истины ради отметим, что их подход иногда бывает подлинно научным.

Директор института парапсихологии в Дареме, США, Уолтер Левай решил провести серию действительно строгих опытов, которые должны были доказать, что крысы могут заглядывать в будущее и усилием воли оказывать физическое воздействие на окружающие предметы (психокинез).

Прошло то время, когда в этом институте, основанном отцом современной парапсихологии Джозефом Райном, пользовались какими-нибудь примитивными карточками. Доктор Левай применил для своих опытов самые передовые научные методы: в мозг крысам были вживлены крошечные электроды. Когда по ним пропускали ток, животные испытывали удовольствие от стимулирования особых центров. Ток подавался компьютером, который включал его через случайные промежутки времени. В свою очередь, работа компьютера определялась атомами, испускаемыми кусочком радиоактивного стронция-90. Без постороннего вмешательства вся эта система должна была стимулировать центры удовольствия у крыс ровно половину времени. Если бы крысы могли предвидеть действие компьютера или влиять посредством психокинеза на распад стронция-90, время удовольствия возросло бы.

Это вам не пожарный Чэпмен, делающий пассы над больными при помощи духа покойного врача. Это не миссис Ван Хорн, напивающаяся вместе со своими растениями до такой степени, что начинает отличать демократов от республиканцев. Это наука, причем с большой буквы. Чисто, корректно, убедительно. Крысы не люди, в гонорарах не заинтересованы. Компьютеры и атомы стронция-90 тоже вне подозрений.

И вот, наконец, результаты — не пятьдесят, а пятьдесят четыре процента всего времени крысы испытывали удовольствие. И этот факт зарегистрировали бесстрастные самописцы. Наконец-то парапсихология получила первые подлинно научные данные, доказывающие наличие у грызунов парапсихологических способностей!

Но, как сообщает американский журнал «Тайм», один из сотрудников доктора Левай заметил, что шеф както странно крутится около самописцев. Вместе с коллегой они начали следить за ним и увидели, что он подправляет показания приборов.

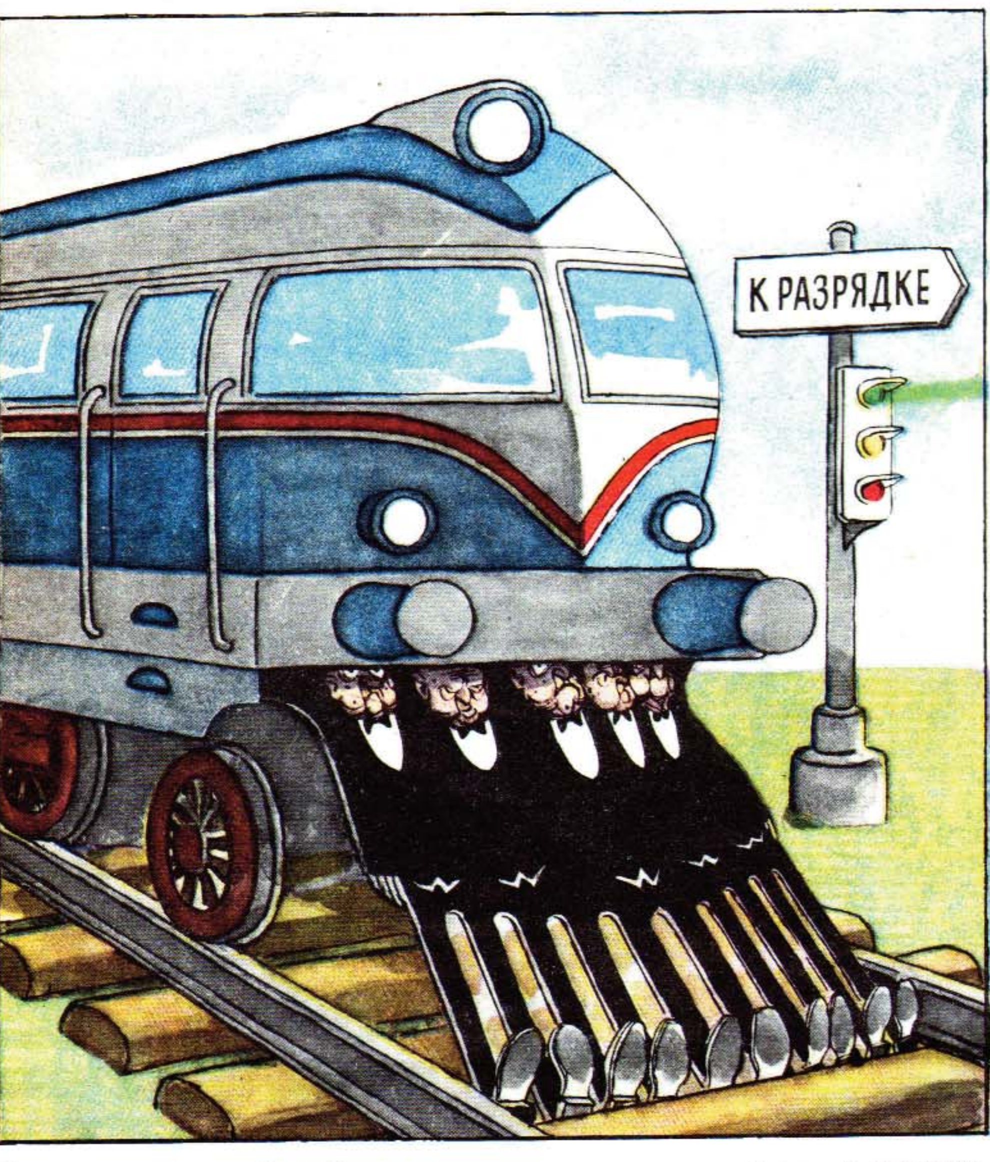

Контрольные самописцы, установленные ими втайне от доктора Левай, показали не пятьдесят четыре процента, а ровно пятьдесят. Директор института парапсихологии вынужден был сознаться в фальсификации результатов опытов и подать в отставку. «От меня так ждали положительных результатов»,— вздохнул доктор Левай, покидая институт.

Пока парапсихология положительных результатов не дала. Зато она отлично кормит экс-пожарного Чэпмена, журналиста Барра, научно доказавшего существование бога, авторов книги «Тайная жизнь растений», до недавнего времени доктора Левай и великое множество других шарлатанов, раздувающих на Западе мистический бум. Бум этот, очевидно, призван отвлечь людей от невеселой действительности.

Но, пожалуй, и здесь он положительных результатов пока не дал. И вряд ли даст...

Весьма влиятельные силы в США все еще пытаются воспрепятствовать положительному развитию советско-американских отношений.

Тормоза системы «Ястреб». **Рисунок Г. ЛОМИДЗЕ**

ТАК — ТЕЛЕГРАФНОЕ АГЕНТСТВО КРОКОДИЛА

ПАРИЖ. Психологи и социологи провели ряд исследований на пляжах Западной Европы. Вот несколько результатов их работ: англичане, оказывается, сидят дальше от моря, чем другие, особенно французы, но зато ближе всех друг к другу. Немцы проводят больше всех времени в воде, а французы, наоборот, меньше. Французы чаще других переодеваются на пляжах, что раздражает испанцев и англичан, но нравится немцам и голландцам. Немцы берут на пляж больше всех транзисторов, англичане — газет, а французы — собак.

НЬЮ-ЙОРК. Полицейский Дэниэл Джил из Олбэни уволен за отказ сбрить усы. Страж порядка подал в суд, требуя восстановления на работе и выплаты компенсации в сто тысяч долларов за моральный ущерб. Таким образом, суд должен определить истинную стоимость полицейских усов.

МИЛАН. Один из миланских банков стал обладателем своеобразного рекорда: в течение последних трех лет его грабили ежегодно и всегда в один и тот же день — 21 июня. После первых двух ограблений банк «Осборн» решил особых мер предосторожности 21 июня этого года не предпринимать, сочтя совпадение дат предыдущих ограблений случайным. Воры, однако, придерживались другого мнения, и в этот день они спокойно изъяли из банка пять миллионов лир.

ВАТИКАН. Недавно полиция устроила в Ватикане облаву на карманников, которые в изобилии вьются вокруг престола папы римского, облегчая карманы паломников и туристов. Задержано тридцать четыре человека, но полиция считает, что это менее одного процента постоянно действующих карманников.

ВЕНА. Австриец Томас Виземан написал книгу, посвященную изучению характерных черт миллионеров. Автор приходит к выводу, что у миллионеров есть все, кроме счастья.

Как отмечает один из рецензентов, Виземан так живописует страдания богачей, что читателю хочется прослезиться от сострадания к людям, которые не знают, куда девать деньги...

СПАСИБО СУДЬЯМ!

ПИСЬМО ПЕРВОЕ

Дружище Фриц!

Очень я обрадовался твоему письму! Ты спрашиваешь: выбраться ли тебе, наконец, из твоего убежища за океаном и вернуться домой, к нам на Рейн? Не угрожают ли тебе неприятности за твои эсэсовско-гестаповские подвиги?

Что ж, возьми меня, к примеру. Ведь и я, как ты знаешь, в нашем рейхе не сидел сложа руки. После войны попал под следствие, но оно тянулось так долго, что стало ясно: ведут его для отвода глаз, лишь бы успокоить пресловутое «общественное мнение», ну, короче говоря, всяких левых радикалов: мол, извольте — у нас и гестаповцы под судом. И вышел я сухим из воды, да к тому же с... наградой. Понимаешь: за то, что меня, выходит, без оснований потревожили, выплатили компенсацию, круглую сумму, которую я тут же вложил в выгодное дело. Это практикуется. Помнишь, в Бухенвальде орудовал оберштурмфюрер СС Штриппель? Дела у него были почище наших, но и ему таким же манером отвалили компенсацию — 120 000 марок, да, да — сто двадцать тысяч! Такая сумма ему и не снилась, и живет он теперь в свое удовольствие и благодарит судьбу и наших судей за то, что его привлекли к «ответственности».

Поднимай паруса, дружище, и айда к нам на Рейн! Чем черт не шутит, может быть, и тебя наградят за прежнее. Обнимаю тебя.

Твой Франц.

ПИСЬМО ВТОРОЕ

Дружище Фриц!

Я думал, ты уже на пути к нам, и вдруг получаю телеграмму: «Напиши обстоятельнее. Побольше фактов». Ну и разозлился же я на тебя, дотошный старикашка! Хотел было плюнуть, но потом подумал: как-никак шли плечом к плечу.

Что ж, факты так факты. Решили было судить группенфюрера СС Штекенбахера, помнишь, лютовал в Гамбурге, скольких людей уложил. И что же? Врачи удостоверили черным по белому: «несудоспособен» — и баста. Не то у него чирей вскочил на мягком месте, отчего г-ну группенфюреру СС на твердой скамье не усидеть, не то с ним какое-то расстройство случилось, словом, судить не будут, и дело с концом.

Или в Эссене был такой случай: хотели судить одного из подручных самого фон Риббентропа, может, знал ты его, был такой штандартенфюрер СС Вагнер. Это он приложил руку к тому, чтобы из Венгрии 350 000 человек в концлагерь угнали, где их... и так далее. Так он тоже «заболел». Врачи поставили диагноз: не судить его! И даже пожелали ему поправить пошатнувшееся здоровье.

А еще и такой метод применяют: напирают на то, что когда, мол, все это было! Сколько с тех пор воды утекло! Машина и та дает осечку, а память человеческая уж никак не идеал. Может быть, говорят у нас на суде, кое-что и было, а может быть, этого вовсе и не было. Вот и разберись! На этом здорово играют не только адвокаты, но даже и сами судьи. Недаром без малого двести из них еще при фюрере орудовали. Они и ныне на коне.

Скажешь, случается, что приговаривают к тюремному заключению? Не без этого. Но тут же, как правило, выносят специальное определение: осужденному тюремный режим противопоказан — и выпускают на все четыре стороны. Так было с моими друзьями Герхардом Ерреном и Людвигом Шольцем. А ведь на их счету видимо-невидимо жертв обоего пола. Пришлось друзей приговорить, но тут же «из-за пошатнувшегося здоровья» их от тюремного заключения освободили, и все в ажуре.

Для полного твоего успокоения вот еще факт: както судили одного из наших. По его приказу не то 6 000, не то больше расово неполноценных приказали долго жить. Суд рассматривал это дело и оказался на высоте положения. Оправдал, поскольку «подсудимый, будучи убежденным националистом, действуя на основании национал-социалистских законов, был лишен правосознания, что совершает нечто несправедливое». Вот так, по всем правилам науки.

Случилась и такая прелюбопытная история: в наше с тобой время казнили Шульце, одного из вожаков рабочих Гамбурга, за то, что «он смертельный враг нацистского государства и его язык опаснее пуль». И вот недавно редактор газеты «Дойче националь-цайтунг» Фрей снова в духе этого тогдашнего приговора назвал Шульце убийцей. Когда же дочь покойного обратилась в суд, потребовав запретить Фрею оскорблять память ее казненного отца, там сослались на решение прокуратуры нашего тысячелетнего рейха и отклонили ее жалобу. Как видишь, наши нацистские приговоры и сегодня здесь в цене. Словом, опять-таки полный порядок.

Если хочешь, пришлю тебе полный список старых друзей, которые куда крупнее калибром, чем мы с тобой, а живут припеваючи.

Твой Франц.

ПИСЬМО ТРЕТЬЕ

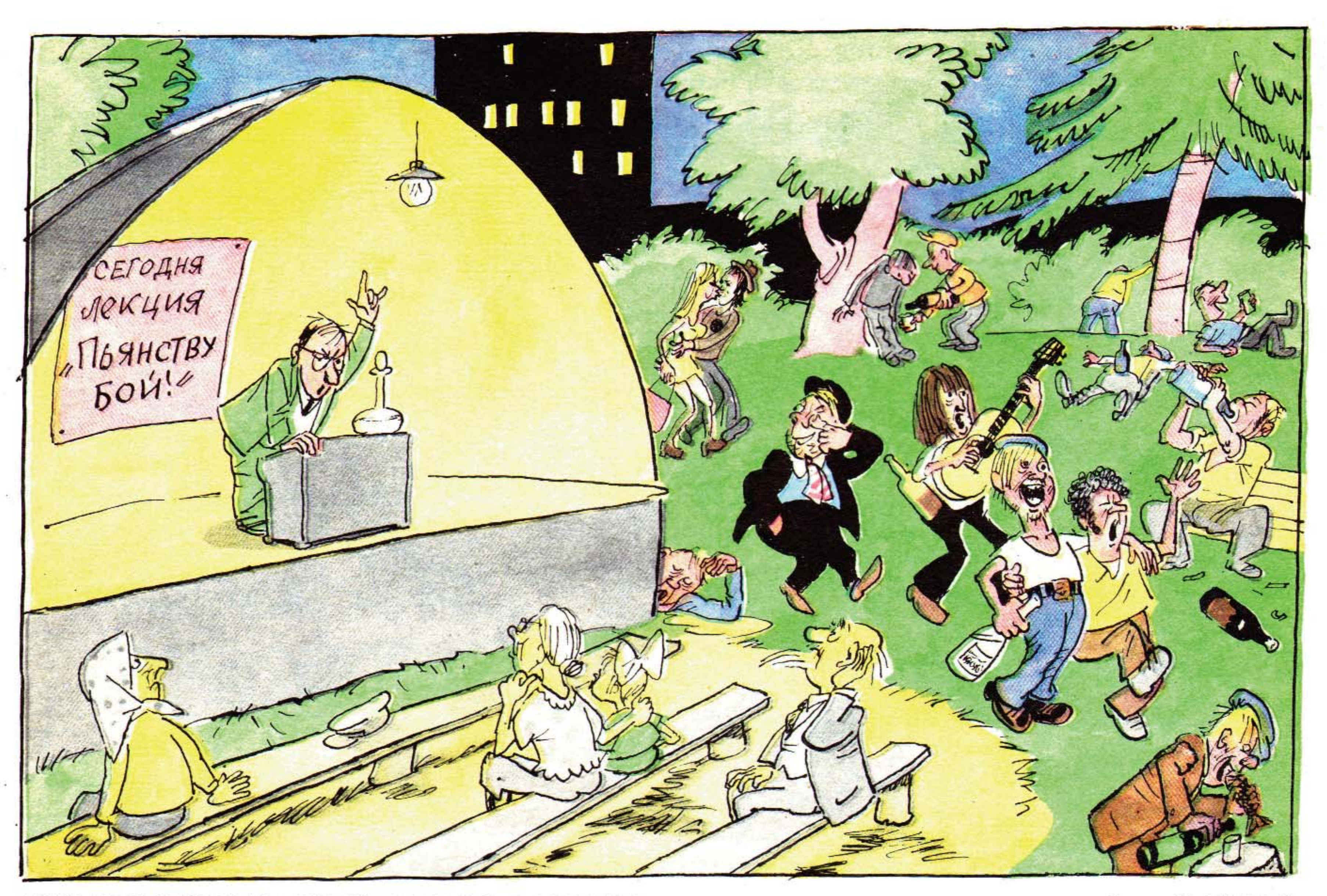
Дружище Фриц!

Наконец-то ты решился! Поздравляю! Рад скорой встрече. Однополчанам сообщил. Встретим с цветами.

Хайль!

Твой Франц.

Письма в редакцию доставил Д. УМАНСКИЙ.

АНТИАЛКОГОЛЬНАЯ КАМПАНИЯ И АЛКОГОЛЬНАЯ КОМПАНИЯ

Рисунок Ю. УЗБЯКОВА

ЕДИНИЦА, КОМУ ОНА НУЖНА?

А. НИКОЛЬСКИЙ,
специальный корреспондент
Крокодила

Вон там, уважаемые читатели, находится синее Черное море. А вон там — зеленые Крымские горы. А где-то посередке стоит бледный автор. И, ах, он боится, что своим унылым пером не сумеет нарисовать картину, достойную этого сверкающего фона.

Одним словом, тут — солнце, а тут — дикари. Но дикари — тоже люди. И, как все люди, они стремятся сплотиться в коллектив. То есть становятся в очередь, а очередь нацелена известно куда: в пищеблок. А если выражаться более романтично, то в кафе.

Это, так сказать, завязка, которая пока ничего нового не представляет. Далее последует изложение самого факта, который тоже баналей. Потому что в нем речь идет о плохом обслуживании. Например, кафе «Утес» должно открыться после перерыва в 16 часов, но оно не открывается. Почему не открывается? Потому что буфетчице на очередь наплевать и она никого не боится. А почему буфетчице Люде Мартыновой на очередь наплевать и почему она никого не боится? А вот это как раз и есть тот вопрос, на который мы хотим ответить.

Итак, пока мы разводим тары-бары, уже стало двадцать пять минут пятого, а Мартыновой все нет. И где она есть, никто не знает.

А очередь стоит, а очередь изнывает, а очередь ругается! А на кого она ругается? (Заметьте, это очень важный вопрос!) Пока что на буфетчицу, которая находится неизвестно где и скорее всего тоже разводит тары-бары.

И особенно возмущается стоящий первым в очереди товарищ в очках. Он, видать, приезжий и привык к точности. Хотя, к слову сказать, прибыл он из Симферополя, и где уж он там такую точность увидал, мы сказать не беремся. Но тем не менее, повозмущавшись с полчаса, он пошел в соседнее кафе «Нептун», справедливо решив, что буфетчица скорей всего именно там чешет язык со своими коллегами.

Так и есть! Ведет под конвоем Люду Мартынову. А очередь все ворчит и, ясное дело, пока на нее, виновницу. А дальше начинается самое интересное.

Эта буфетчица Мартынова могла безнаказанно полчаса болтать и морить на жаре десятка два людей лишь потому, что она до тонкостей изучила психологию дикарей. И знала, как будут развертываться события.

А развертывались они так.

Мужчина в очках геройски потребовал жалобную книгу. Он считал, что если заставил буфетчицу вернуться к своим обязанностям, то и дальше будет таким же героем. Не тут-то было, жалобную книгу Мартынова не выдала. И как мужчина ни просил, как ни унижался, все равно ничего не вышло. Помоему, если бы он даже встал на колени, то все равно бы книгу ему не дали.

Тем временем Мартынова поступила исключительно мудро: она сделала вид, что этого назойливого покупателя вообще нет в природе, и стала обслуживать всех стоящих после него.

Тогда этот очкастый мужчина, оказавшись изолированным от коллектива, стал апеллировать к очереди. Надо сказать, что на какой-то момент последняя засомневалась и затопталась на месте. В конце концов этот мужчина наподобие Данко, что ли, жертвовал своими нервами во имя счастья людей.

Но в этот момент общей растерянности Мартынова произвела еще более тонкий маневр: вообще прекратила торговые операции и стала убирать прилавок. Короче говоря, она отдала нашего Данко на перевоспитание коллективу. И, как автору ни прискорбно сообщить, этот ее злодейский план удался.

Здоровый коллектив, который только что правильно оценивал события и ругал буфетчицу, стал ворчать на своего заступника, намекая, чтобы тот исчез со своими претензиями и не тормозил колес торговли. А находившиеся поблизости местные рыцари стали даже выражать беспокойство о целости очков нашего героя.

И тут автор с сожалением хочет провести еретическую мысль, что многие беспорядки в сфере обслуживания происходят от нашей собственной, что ли, беспринципности. Каждая буфетчица отлично знает, что любого разгневанного покупателя можно унять, пойдя навстречу ему лично. И он мигом уймется. Потому что знает: если не уймется, то она на него может натравить всю очередь. А очередь — коллектив неорганизованный. У него с принципами не ахти, лишь бы поскорее.

Что же касается нашего принципиального героя, то он пошел узнавать фамилию буфетчицы в соседнее кафе «Нептун». Там его тоже морочили с полчаса, притворяясь, что никто ничего не знает. Наконец заведующая производством сообщила фамилию. Однако свою назвать отказалась наотрез.

Нам же остается добавить, что все это произошло 16 августа сего года в крымском «Утесе», и пожелать свидетелям этой лирической сцены приятных воспоминаний.

Крым.

Борис ЛАСКИН

ТЕХНИКА

Рассказ

Сперва, если не возражаете, я коротко обрисую обстановку.

Летний день, улица, зеленые деревья. В доме пять дробь семь мастерская службы быта — ремонт магнитофонов. В доме напротив — училище медсестер. В обеденный перерыв, особенно, когда хорошая погода, на скамейках в тени деревьев служба быта общается с медициной.

Теперь о себе. Работаю, дело знаю. Главная черта — скромность. Не умею знакомиться с девушками: теряюсь и выгляжу довольно глупо. Женька Харитонов — мастер золотые руки и звонарь международного класса — про меня так сказал:

— Федя Баныкин — робкий малый, продукт прошлого века, будет крутиться на холостом ходу до самой пенсии, нуждается в срочной товарищеской помощи.

3 июня сего года мы сидим, работаем, и Женька вдруг заявляет:

— Тихо! У меня зародилась богатая идея. Наш Федя сделает ход конем.

Я это слышу и молчу, а он продолжает:

— Для проведения операции нужна одна детская коляска и один непосредственный исполнитель, то есть именно ты, Федор.

Женькины слова, конечно, вызывают общий интерес. Он излагает свой план и в конце спрашивает:

— Пойдешь на такую операцию?

Я еще и подумать не успел, а все наши хором говорят: «Пойдет!»

5 июня. Время — 13.00. Обед. На скамейках, как всегда, встречи по интересам. Разговоры, шутки, смех. Но меня там нет, я нахожусь в некотором отдалении. И тут Женька говорит:

— Внимание! Поглядите вон туда. Наш друг и товарищ по работе осуществляет уход за ребенком.

Девушки смотрят в мою сторону. Я сижу, одной рукой покачиваю коляску с поднятым верхом, в другой руке книга, которую я, согласно Женькиному указанию, читаю с большим вниманием. И настолько я увлечен книжкой, что даже не слышу, как орет в коляске упакованный в одеяло ребенок.

Женька обращается к девушкам:

— Дорогие подруги! Ваша профессия целиком и полностью связана с гуманностью. Проявите чуткость, помогите неопытному человеку управиться с малышом.

Я сижу, качаю коляску, не отрываюсь от книги, и тут подходит ко мне девушка, ее зовут Наташа, я давно на нее внимание обратил, еще весной.

Она подходит и говорит:

— Молодой человек! Неужели вы не слышите, как ваш малыш кричит? Вам, небось, поручили с ним погулять, а вы уткнулись в книжку...

Я книжку отложил, пошуровал в коляске, и стало тихо.

— Подумать,— говорю,— одно ваше появление сделало чудо — ребеночек, это мой родной племянник, сразу успокоился и заснул...

Наташа говорит:

— И прекрасно. Пускай спит. Хороший мальчик?

— Замечательный.

— Умненький?

— На редкость.

— Учится?

«Ого,— думаю,— Наташа уже шутит. Не иначе хочет поддержать разговор».

— А как же,— говорю,— конечно, учится. В авиационном институте. На первом курсе.

Наташа говорит:

— Понимаю, что не на втором. Молодой еще.

Тут уж я целиком убеждаюсь, что девушке желательно. подольше со мной побеседовать.

Я говорю:

— Он очень способный мальчик. Весь в дядю...

— То есть в вас?

— Ну да... Знаете, мне бы хотелось с вами, как с медицинским работником, поговорить о детях, поскольку дети — наше будущее...

Наташа помолчала, а потом спрашивает:

— А вы завтра в обед здесь будете?

— Обязательно.

— Опять с ним?

— Конечно.

— Ладно. Тогда мы, возможно, увидимся. А пока до свидания. Привет племяннику.

Теперь слушайте дальше.

6 июня. Время — 13.15. Чудесный день, даже лучше, чем вчера. Я сижу там, где сидел. Ребенок в коляске занимается своим делом — кричит на полную катушку.

Появляется Наташа, но она не одна. На руках у нее красиво запеленатый ребенок.

— Здравствуйте, Федя!

— Привет!.. А откуда вам известно, что я Федя?

— Товарищи ваши сказали. Видите, и я с ребенком. Подруга попросила погулять с малышом... А ваш-то опять легкие развивает.

Я запускаю руку в коляску, и мой «племянник» тут же выключается.

Некоторое время мы молчим, затем я говорю:

— Если бы на нас сейчас кто-нибудь взглянул со стороны, он бы решил: счастливая семья...

Я гляжу на Наташу, а она поднимает угол одеяльца и любуется на ребенка подруги. Она ему подмигивает и ласково так говорит:

— Ну что, маленький?.. Проснулся? Открыл глазоньки? Да?

Тут я думаю: «Пора приступать!» — и говорю:

— Давайте познакомимся. Как вы уже знаете, я Федя. Федор Баныкин.

— Очень приятно. А я Наташа Коваленкова.

— Вы, Наташа, учитесь в этом училище?

— Да. А вы трудитесь в этой мастерской?

— Да.

— Понятно...

Я уже собрался было продолжить нашу беседу, но совершенно некстати Наташин младенец подал голос. Начал он тихо, а потом стал прибавлять.

Наташа ему сразу:

— Тш-тш... Тш-тш... Что с тобой, маленький?

Я говорю:

— Может, ему что приснилось?..

Маленький замолчал, перевел дух и вдруг заявляет:

— Пойдем отсюда, тетя Наташа.

У меня от удивления брови на лоб полезли.

— Он что, говорить умеет?.. Сколько же ему?

— Мне год и десять месяцев,— отвечает ребенок,— но в институт не попал. Экзамены завалил.

— Вот это да! — говорю.— Не младенец, а чудо двадцатого века!..

Я, конечно, все уже отлично понял, но сделал вид, что удивлен до крайности.

— Просто поразительно, до чего современные дети быстро развиваются.

А младенец говорит:

— Пойдем отсюда, тетя Наташа, а то уже обед кончается. Хоть я, можно сказать, грудное дитя, но я и то понимаю, что дядя Федя мог бы и сам с тобой познакомиться, без моего участия.

Наташу прямо качало от смеха, а из ее свертка, который она уже небрежно держала под мышкой, звучал голос Женьки:

— Свадьба, свадьба, свадьба
Пела и плясала...

А теперь финал.

20 июня. Чудесный вечер. Мы сидим всей нашей компанией в летнем кафе «Отдых», и Евгений Харитонов, главное действующее лицо, обращается ко мне и к Наташе:

— Друзья! Ваши дорогие «дети» — кассетные магнитофоны «Весна» — уже возвращены их владельцам. Свое полезное дело они сделали. А мы с вами в который раз убедились, что техника способна творить чудеса. Так давайте поднимем бокалы за технический прогресс, за ваше знакомство и за юмор, который сближает людей! Все. Я кончил. Спасибо за внимание!..

Рисунок С. СПАССКОГО

— Завтра в это же время, опять около того типа.

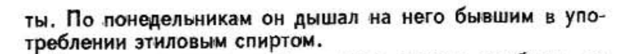

Рисунок Г. ИОРША

К. АКИНЬШИН

ФАБРИЧНО-ЗАВОДСКАЯ ЛЕГЕНДА

Директор химзавода устало махнул рукой.

— Ну какие же это вредные вещества? Это же сульфит серного аммония и бикарбонат.

— Но почему же,— перебил его рыбинспектор, которому химические термины напомнили многоэтажные словообразования, слышанные от браконьеров,— почему от этого, как там его, суфле святого Антония, рыба дохнет? А ведь на других заводах в прудах-отстойниках рыбу разводят.

— Сам удивляюсь,— вздохнул директор, подписывая акт,— почему у нас рыба не приживается.

А ведь пробовали. Но мальки, запускаемые в отстойники, растворялись без осадка в их фиолетовых водах, а взрослые особи выбрасывались на берег — правда, уже в виде скелетов.

В дверь постучали, и в кабинет вошел рационализатор.

— У меня свояк приехал недавно из тропиков. Так вот там есть река... Во время ледохода, в половодье то есть, вода в ней такая грязная, ну совсем как наша дорога от завода до поселка, только пошире. И представьте, в этой грязи крокодилы живут!

— Ну и что?

— Я полагаю, чтобы рыбинспектор не приставал, запустить его в пруды-отстойники.

— Кого?

— Да крокодила. Свояк мне крокодильское яйцо привез. Видите, в пустыне крокодилица, то есть крокодильша, яйцо высиживает. Он ее бульдозером спихнул, а яйцо взял.

Вызвали слесаря-умельца, и тот сразу приступил к делу. Он грел яйцо паяльной лампой, поливал охлаждающей эмульсией, обрабатывал токами высокой частоты. По понедельникам он дышал на него бывшим в употреблении этиловым спиртом.

Крокодил родился, когда в цехе никого не было, то есть за час до конца второй смены.

Наутро состоялся торжественный спуск крокодила на воду. Директор взял бутылку из-под «Жигулевского» и ударил ею младенца по спине.

Тот заскользил брюхом по отложениям бертолетовой соли и плюхнулся в волны. Брызги попали на «Проект реконструкции очистных сооружений», которым главный инженер закрывался от солнца, и превратили техдокументацию в целлюлозу.

Кругом ликовали: крокодил с видимым удовольствием купался в разноцветной жидкости, не чувствуя дискомфорта.

— Свершилось! — сказал директор.— Отныне рыбинспектора направлять не ко мне, а к крокодилу. Пусть сам видит.

Так крокодил стал любимцем коллектива. Был он общительным и ласковым: любил, когда его гладили шестеренкой по животу или электродом между глаз, не обижался, если на него роняли тару с готовой продукцией.

Зато в еде был привередлив и со странностями: любил рыбу, вымоченную в керосине, гнилые овощи в солидоле, промасленную ветошь и даже котлеты из заводской столовой.

Так и было до того дня, когда директор, демонстрируя пригодность окружающей среды для жизни, ненароком упал в пруд-отстойник.

Вопль ужаса вырвался у ИТР рабочих, служащих и младшего обслуживающего персонала.

Нейлоновая рубашка директора вступила в законную связь с химреактивами, вследствие чего образовались высококачественные обтирочные концы. Брюки из эланы также претерпели кое-какие изменения, после которых могли бы быть уценены на 30 процентов, если бы не загадочное исчезновение одной штанины. Сигареты «Столичные» превратились в никотиновую кислоту (витамин PP), потом последовательно в витамины А, В, С и т. д. Когда же алфавит кончился, образовался стойкий авитаминоз.

После такой занимательной химии добрый, ласковый, по-настоящему интеллигентный крокодил по привычке открыл пасть — и химическая промышленность лишилась ценного номенклатурного работника...

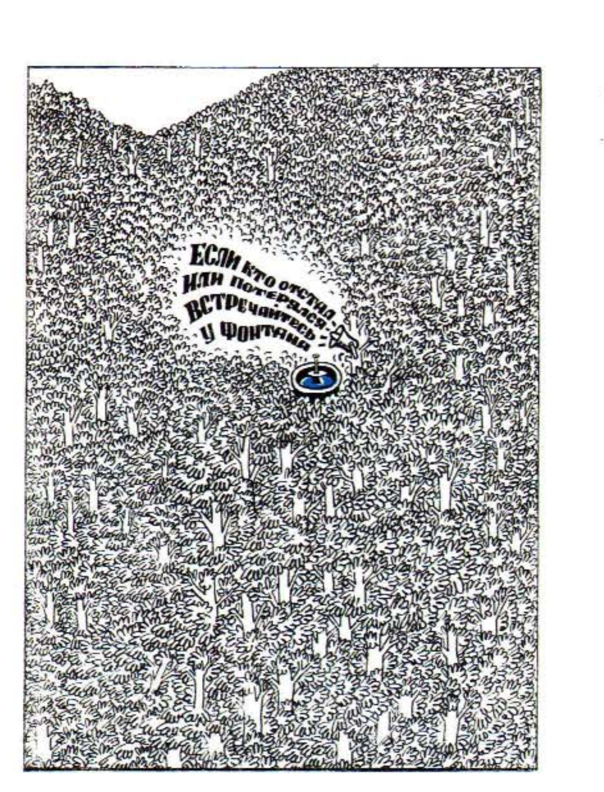

Рисунок А. ШТАБЕЛЯ

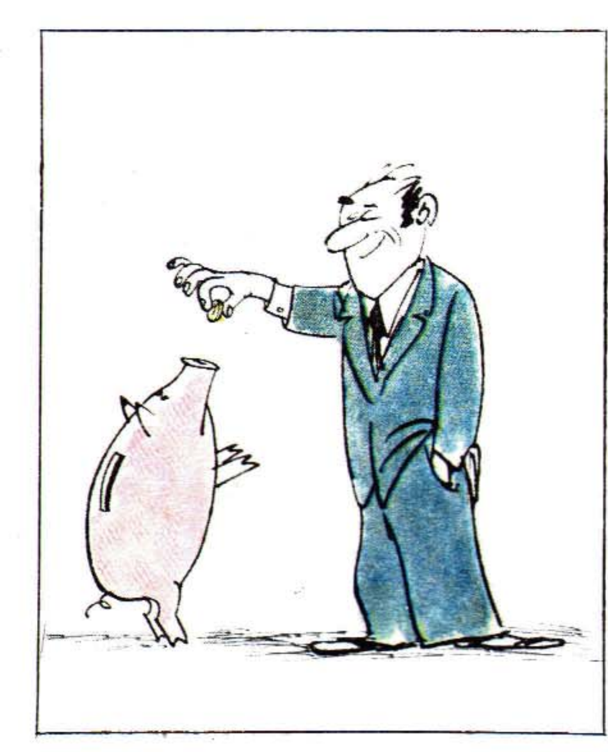

Рисунок А. АЛЕШИЧЕВА

НАРОЧНО НЕ ПРИДУМАЕШЬ

«Хочется сказать о людях, которые приносят всем нам большую пользу. Однако остаются незамеченными и обиженными. Это нигде не оформленные и постоянно пьянствующие пастухи личного скота».

(Из письма в редакцию газеты).
Выписал А. Федосов, г. Полесск.

«ЗАЯВЛЕНИЕ
В связи с тем, что я попал в дружную бригаду, в результате чего я сильно устал, прошу дать расчет по собственному желанию с 22 июня».

Прислала Т. Санжарова, г. Москва.

«ЗАЯВЛЕНИЕ
Прошу произвести протезирование зубов верхней и нижней конечностей».

Прислал И. Джаватханов, г. Уяр, Красноярского края.

«Мастеру Орлову за несерьезное отношение к его мнимой болезни объявить выговор».

(Из приказа).

«Монтер Зиновьев В. И. напился до такой степени, что его опасно было везти в вытрезвитель, и я ограничился устной беседой».

(Из докладной).
Выписала С. Шарафутдинова, г. Свердловск.

УЛЫБКИ РАЗНЫХ ШИРОТ

СТАРИННЫЙ ЧЕРНОГОРСКИЙ ЮМОР

Как показало проведенное недавно комплексное и вполне научное исследование Черногории, эта республика братской социалистической Югославии и в отдаленном прошлом развивалась вполне гармонично. Черногорцы не только воевали против многочисленных иноземных захватчиков, не только строили и украшали свои жилища, не только возделывали скудные на урожаи поля, но и... шутили. Да, это установлено вполне достоверно. Хотя некоторые шутки того времени по вполне понятным причинам имели горьковатый привкус.

Мы предлагаем читателям познакомиться со старинным черногорским юмором.

Кеко Иванов из Белицы имел брата Мило, очень умного и уважаемого в селе человека. Однажды Кеко размечтался:

— Кто знает, может быть, я и дождусь, когда наш Мило станет епископом, а я — братом владыки? Тогда бы я все время лежал в хлеву на пшеничной соломе, жевал кусок сала толщиной в колесную спицу и жил бы, как человек!

Один горец, вооруженный кинжалом и револьвером, явился в город к попу Боку Миушкевичу, известному ростовщику, чтобы занять денег. Горец имел привычку держать во время разговора руку на рукоятке кинжала.

Он подступил к попу, вынул наполовину из ножен кинжал и гаркнул:

— Дай мне взаймы 120 талеров.

— Боюсь я...

— А чего тебе бояться?

— Посуди сам: если ты пришел просить у меня взаймы и уже держишься за кинжал, что же будет, когда наступит время отдавать долг?

Во время правления известного начальника округа Сулы Радова одна девушка родила внебрачного ребенка, что строго преследовалось существовавшими тогда законами. Дело поступило на рассмотрение к начальнику округа. Он слушал объяснения, а сам набивал трубку. Девушка доказывала, что во всем случившемся ее вины нет, над ней учинил насилие один солдат. Сула усмехнулся, потом сказал:

— Дочка, добудь мне огоньку, хочу закурить.

Девушка подошла к камину, достала щипцами уголек и поднесла к трубке начальника, но он в это время отвернулся. Тогда она зашла с другой стороны, но он опять как будто невзначай повернулся, и девушка не смогла положить уголек в трубку. Так повторялось несколько раз. Тогда девушка сказала:

— Погоди вертеться, дядя, если хочешь, чтобы я разожгла тебе трубку.

— Вот видишь, дочка. Если бы и ты вела себя так же, как я, многого добился бы солдат?

К воеводе Петру Вукотичу приехал какой-то важный господин. Воевода радушно принял господина и приказал слуге сварить на ужин мамалыгу. Слуга поставил котел на очаг, а сам исчез. Воевода разговаривал с гостем, а сам все время поглядывал на котел. И заметил, что мамалыга пригорела. Тогда он позвал слугу и спросил:

— Почему ты поставил котел на огонь, а сам сбежал.

— Мне неудобно было находиться рядом с таким важным господином.

— Плохо, что мамалыга не знала господина в лицо и не сбежала вместе с тобой. Тогда бы она по крайней мере не успела пригореть...

После одной ожесточенной битвы с турками воины-черногорцы собрались на военный смотр. Князь вызвал из шеренги Трипко Томича и спросил:

— Скажи, Трипко, сколько турецких голов ты снес в этом бою?

— Ни одной, ваше высочество.

— А можешь ли ты мне указать еще какого-нибудь черногорца, который не срубил ни одной вражеской головы?

— Могу, ваше высочество,— это вы.

Князь остался доволен правдивым ответом и наградил Трипко медалью за храбрость.

Перевел М. ГРИГОРЬЕВ.

УЛЫБКИ РАЗНЫХ ШИРОТ

— Ты слышал, что шейха Абдуллу осудили за двоеженство: у него два гарема!

«Актуэль», Норвегия.

— Если ты можешь вязать мне носки только на ноге, такое положение тебя устроит?

«Ди фрау», Австрия

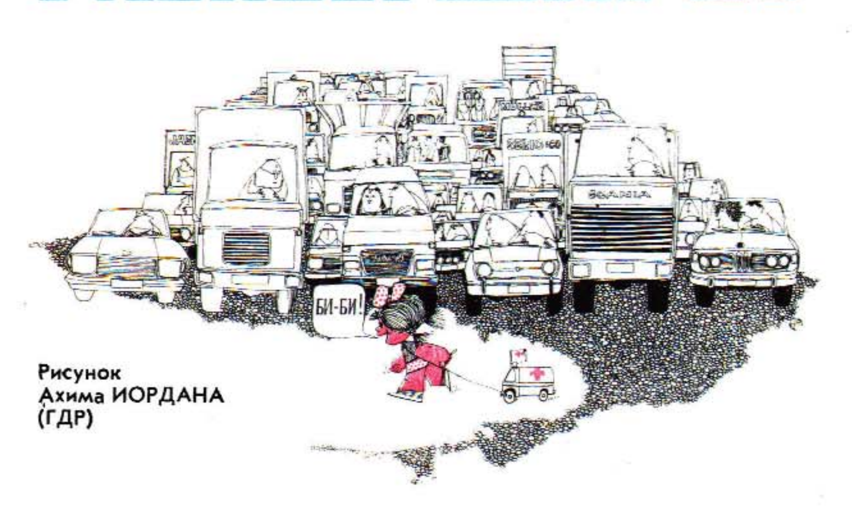

Рисунок Ахима ИОРДАНА (ГДР)

Любомир ПЕЕВСКИЙ (Болгария)

Знаете ли вы, что...

...в Африке есть племя, которое никто не видел и никто не знает?

...не всякий кофе, приготовленный в Турции,— турецкий?

...если смотреть телевизионные передачи по 20 минут ежедневно, то за неделю вы просмотрите телепередач на 140 минут больше, чем великий французский писатель Александр Дюма-отец?

...австралийская овца не может скакать так, как австралийский кенгуру, и все-таки живет в Австралии?

...Южная Америка станет Северной, а Северная — Южной, если их поменять местами?

...каждая минута на земле умирает через 60 секунд?

...забить гвоздь в стенку легче, если бить молотком по шляпке, а не по острию?

Перевела В. СЕДЫХ.

«Дискуссионе», Италия.

Сади РУДЯНУ (Румыния)

Обед

Меня пригласили на обед. Не люблю такие приглашения: за столом все смотрят тебе в рот, и от этого еда застревает в горле. Каждую минуту необходимо повторять «чудесно», «очень вкусно», «как вы это готовите?» и так далее. В результате наедаешься, как рождественский гусь, а потом целую неделю мучаешься животом.

Но коллега так настаивал, что я пришел. Он, его жена и две дочери, одна — четырнадцати, а другая шестнадцати лет, уже ждали меня. Поскольку никаких шансов на успех даже у старшей дочери я не имел, подозрения, что меня хотят сосватать, отпадали. Хозяин не был мне подчинен, так что оставался последний вариант — меня пригласили просто так. Ведь есть же еще на свете люди, которые приглашают в гости бескорыстно. И жены у них чудесно готовят!

Начали со сливовицы и маслин. Я почувствовал, что должен похвалить угощение.

— Сливовица превосходна! Маслины тоже!

— Разбирается,— ухмыльнулся хозяин.— По тридцать четыре веды!

— Как, по тридцать четыре градуса?

— Нет. По тридцать четыре леи. Выдержанная сливовица! Маслины, по шестнадцать.

Я проглотил две маслины сразу и чуть не подавился. Но тут хозяйка подала рыбу. Коллега подробно объяснил мне, где я могу достать точно такую же и добавил:

— Возьми еще. Видишь, какая вкусная. По девять восемьдесят!

Рыбья кость застряла в моем горле. Хозяин мощно постучал по моей спине, и я продышался. На столе тем временем появилась изумительно поджаренная утка с зеленью.

— Как ты относишься к утке? — поинтересовался хозяин.— Хотя как к ней можно относиться, когда за кило четырнадцать лей дерут!

Когда я налил себе четвертый бокал вина, хозяин вновь оживился:

— Нравится? — спросил он, отпил глоток сам и продолжил.— Пятнадцать шестьдесят, кусается...

К концу обеда я убедился, что моего гостеприимного хозяина вполне можно было бы использовать в любом продовольственном магазине в качестве живого прейскуранта, но настроение у меня было полностью испорчено. Некоторое время я пытался найти повод, чтобы заговорить с девочками, но потом передумал: а вдруг они в отца?

Я раскланялся и пошел одеваться. Подавая мне пальто, коллега заметил:

— Отличное у тебя пальто!

И тут меня прорвало:

— Пальто — триста двадцать, зато костюм — тысяча сто, шарф — шестьдесят, рубашка — тридцать пять, туфли — без двух лей триста, перчатки — двенадцать, носки — шестнадцать...

— До свидания,— пробормотал хозяин.

«Почем «до свидания»? — хотел было спросить я, но вовремя удержался. Нельзя быть свиньей по десять лей килограмм, когда тебя так вкусно накормили уткой по четырнадцать лей килограмм».

Перевел И. ЛИПСИЦ.

КРОКОДИЛ

№ 27 (2109)

ИЗДАЕТСЯ С ИЮНЯ 1922 ГОДА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

Темы рисунков этого номера придумали: А. Алешичев, М. Битный, М. Вайсборд, Ю. Ерофеев, В. Жаринов, Г. Ломидзе (г. Тбилиси), В. Мохов, В. Мочалов, В. Сафонов, Ю. Федоров, Ю. Черепанов, А. Чикарьков, А. Штабель (г. Уфа).

Главный редактор М. Г. СЕМЕНОВ

Редакционная коллегия:
М. Э. ВИЛЕНСКИЙ
А. Е. ВИХРЕВ (зам. главного редактора)
Е. П. ДУБРОВИН
Б. Е. ЕФИМОВ
А. П. КРЫЛОВ (художественный редактор)
Г. О. МАРЧИК (ответственный секретарь)
И. М. СЕМЕНОВ
С. В. СМИРНОВ
А. А. СУКОНЦЕВ
А. И. ХОДАНОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

Технический редактор Г. И. ОГОРОДНИКОВ.

Рукописи не возвращаются.

Сдано в набор 9/IX 1974 г. А 00854. Подписано к печати 19/IX 1974 г. Формат бумаги 70 × 108 1/8. Объем 2,80 усл. печ. л. 4,54 уч.-изд. л. Тираж 5 650 000 экз. (1-й завод: 1 — 3 362 250). Изд. № 2214. Заказ № 2770.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.